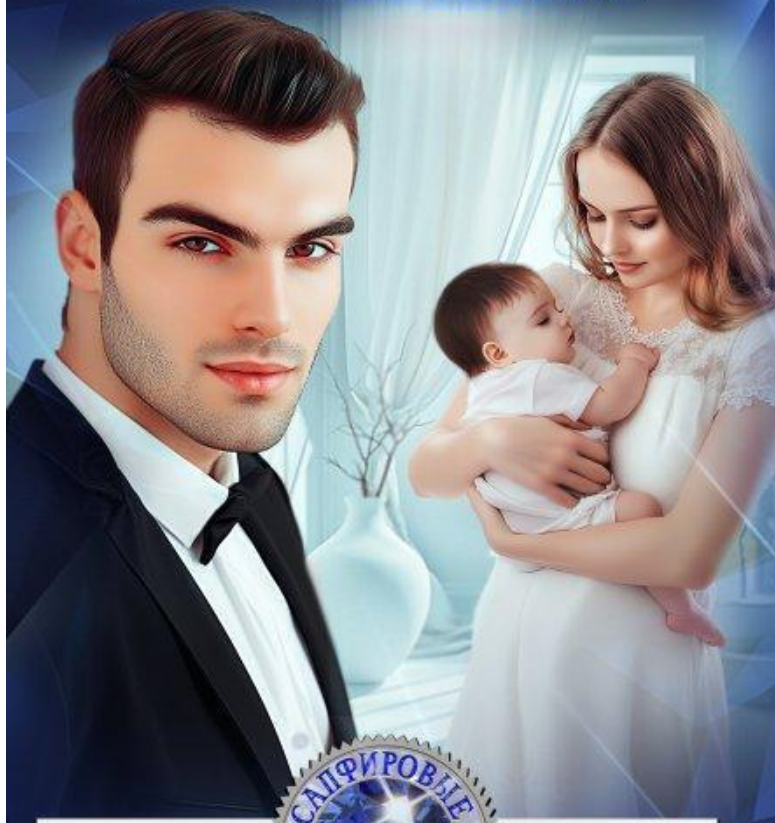

ПОДАРОК НА СВАДЬБУ БЫВШЕГО

ДИАНА

РЫМАРЬ

Диана Рымарь

Подарок на свадьбу бывшего

<https://litres.ru/74203339>

Аннотация

Сложно выбрать подарок на свадьбу бывшего мужа. Особенно, если он до сих пор любим, если плохо расстались, и тебя на эту свадьбу вообще никто не звал... Но я нашла идеальный презент – родила ему дочку. Конечно, когда я отправляла Арнаку фото из роддома, решив таким образом рассказать про нашего ребенка, то не знала, что делаю это в день его свадьбы. Точнехонько перед входом в загс...

♥#♥#

Однотомник. ХЭ

Содержание

Глава 1. Ах эта славная свекровь	4
Глава 2. Вездесущие гормоны	9
Глава 3. Как это случилось	14
Глава 4. Как они любили	19
Глава 5. Осознание	25
Глава 6. Дорогая клиентка	30
Визуал	35
Глава 7. Кикимора болотная	36
Глава 8. Склеп	45
Глава 9. Новая старая квартира и еще кое-что	51
Глава 10. Кому она помешала?	56
Глава 11. Почти помолвка	60
Глава 12. Почти мертвые	69
Глава 13. Ретроградный меркурий	77
Глава 14. Как он поступил с Ритой	85
Глава 15. Дом, милый дом	90
Глава 16. (Не) разведенные	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Глава 1. Ах эта славная свекровь

Часть 1. Почти бесплодная

Глава 1. Ах эта славная свекровь

Маргарита

— Что ты сидишь тут, нежничаете с ней, она же бесплодная! — Свекровь выкрикивает это как обвинение, едва появившись в гостиной.

Немая сцена.

Мы с мужем сидим за накрытым столом, отмечаем вдвоем мой день рождения. Точнее, отмечали, пока в наш дом не ворвалась его мать, красная как рак и запыхавшаяся. На ее лбу выступает пот, видно бежала сюда от машины.

После высказывания Мариам Вазгеновны я роняю на пол вилку.

Мой муж Арнак замирает с не донесенным до рта бокалом воды.

— Что вы такое говорите? — спрашиваю с побледневшим лицом, нервно убираю за ухо русую прядь волос.

Я действительно проходила недавно обследование в клинике, но еще не получила окончательных результатов.

Свекровь шагает к нам, одетая, как всегда, во все черное,

точно всадник апокалипсиса. Ее пышные тела а ж потряхивает от нескрывае мого гнева. Она отталкивает блюдо с уткой, которое стоит по центру стола, да так яростно, что птица почти слетает на пол.

Кладет на белую скатерть какие-то бумажки и тычет в них пальцем.

— Бесплодная! Тут все черным по белому! И я не верю, что ты не знала о своем положении, когда выходила замуж. Разве можно о таком не знать?

Я наконец понимаю, что это за бумажки: результаты анализов из клиники, где делала проверку.

Поднимаюсь с места, хватаю бумажки и буквально вырываю их из пухлых пальцев Мариам Вазгеновны.

Просматриваю их и убеждаюсь в своей правоте. Так и есть — анализы на гормоны. Но почему они оказались у нее? Как она могла получить их раньше меня? Да как она вообще могла их получить?

— Но подождите, как это возможно? — Смотрю на нее с возмущением. — Это же мои анализы! Почему они у вас? Это я должна информировать мужа о своем здоровье, а не вы. Есть такое понятие, как врачебная этика!

Я, конечно, понимаю, что клиника, где проходила обследование, принадлежит мужу ее подруги. Но это же не значит, что теперь чужие анализы могут раздавать свекровям.

Меня аж колотит от подобной бестактности. Она ведь мне и шанса не дала все обдумать, как-то деликатно преподнести

мужу новость. Или хотя бы для начала самой с этой новостью свыкнуться, провести исследование. Может, там какое лечение есть гормональное... Ведь бывает же.

Свекровь продолжает возмущаться, потрясая пальцем в воздухе:

— Что ты тут стоишь, мелкая пигалица, глазенками своими голубыми хлопаешь. Думаешь, за красивые глазки тебя в семье оставят, так? Будешь и дальше из моего Арнака жилы тянуть?

— Мама, не смей! — Тут уже подскакивает Арнак.

Мерит меня и мать своим фирменным гневным взглядом. Его черные глаза, кажется, становятся на порядок больше в размере. Он подходит ко мне, нависает, забирает результаты, пытается вникнуть в суть написанного.

Но мать не дает, она продолжает возмущаться:

— Вы посмотрите на уровень ее гормонов. С такими анализами у нее ни одной путной яйцеклетки не вызреет! Если когда-то чудом и залетит, то дебила родит! Хотя какое там залетит... Три года не беременеет! Теперь понятно, почему...

Стою как обухом по голове прибитая и не знаю, что сказать.

Новость про гормоны просто оглушает, ведь мы с Арнаком так хотели маленького, так давно к этому стремились. Неужели мне не суждено стать мамой? На глаза невольно наворачиваются слезы.

Свекровь не унимается:

— Мало нам кист по всем яичникам, так теперь еще и это!

Ты кого в жены взял, Арнак?

Он тоже будто не слышит, все смотрит и смотрит на результаты анализов. Трет лоб, достает телефон, что-то ищет в поисковике, снова смотрит на анализы.

С каждой секундой, что я на него смотрю, мне становится все хуже и хуже. Такое ощущение, будто из-под ног почву выбили.

Неужели и вправду там все так ужасно? Мне ведь даже посмотреть толком не дали.

А его мамаша и не думает успокаиваться.

Орет дальше:

— Вы три года женаты! Да за три года любая порядочная девушка тебе трех сыновей должна родить. А эта и на одного не сподобилась! Нам брак в генофонде не нужен!

— Мариам Вазгеновна, хватит! — кричу я, наконец не выдержав. — Всему есть предел, и мой наступил. Вы переходите все границы! Немедленно уходите!

— А ты рот не раскрывай на мать своего мужа! Ишь что удумала, гнать меня из дома, который мы же с отцом вам на свадьбу подарили...

Наконец к разговору подключается Арнак:

— Мама, ты сказала достаточно. Уймись! Хоть какие-то приличия в тебе есть?

— Бросай ее, сынок, негожая она. Мы тебе лучше найдем,

качественнее...

Ее последние слова для меня как оплеуха.

Я тут же взрываюсь:

— Мариам Вазгеновна, это ни в какие ворота! Вам не стыдно?

Однако мне моментально прилетает от Арнака:

— Как ты смеешь разговаривать так с моей матерью? Рот закрой, женщина!

«Рот закрой, женщина».

Его мать меня тут смешала с грязью, а я — рот закрой, женщина.

Стою, как говорится, обтекаю.

А он мать под руку берет и кидает мне через плечо:

— Будь дома, я отвезу мать и вернусь. Ей нельзя за руль в таком состоянии.

И уходит, оставив треклятые результаты на столе.

Я, конечно же, бросаюсь к ним, чтобы все подробно изучить.

В груди теплится надежда, что, может, не так все и плохо? Или в крайнем случае лечится?

Глава 2. Вездесущие гормоны

Маргарита

Я дергаюсь, когда слышу звук бахання входной двери.
Ушли.

Но перед этим как следует выместили злобу на ни в чем не повинной дверной створке.

Кто? Арнак? Свекровь?

Тихонько прохожу к дивану у телевизора.

Конечно же, ничего не включаю. Сжимаю в руках бумажные листки и цепляюсь взглядом за строки, внимательно вчитываюсь в результаты анализов.

Я в них ничего не понимаю, хотя уже неплохо разобралась во многом, касающемся репродуктивной функции женщины. Но даже мне, не слишком сведущей в вопросах гормонов, ясно, что с моими анализами совсем беда. Ведь они сильно выходят за рамки нормы.

Сажу, поджав к груди ноги, в сотый раз проглядываю результаты. И от обилия проступивших слез перед глазами все плывет.

Повышенный Пролактин, крайне высокий Эстрадиол, Лютеинизирующий гормон...

Какая лютая жесьть!

Мало мне было операции в прошлом году... Удаляли ки-

сту на одном из яичников.

Теперь еще и это!

Конца и края нет моим бедам...

Хотя до брака я ведь никогда не жаловалась на здоровье. Месячные пошли в тринадцать лет, как у всех. И потом сколько ни жила на белом свете, с организмом никаких проблем.

Мы с Арнаком поженились, когда мне был двадцать один год. Сразу приступили к зачатию, ведь он объявил, что хочет наследника как можно скорее. Я тем более не возражала, потому что с юности хотела маленького.

Первые месяцы, как дурочка, бегала с этими тестами, делала их чуть ли не каждый день. Потом успокоилась, затем и вовсе приуныла. Стала ловить овуляции и заниматься прочими ухищрениями, которые помогают забеременеть.

Через год пошла проверяться, через два случилась операция на яичнике.

Теперь вот решила сделать полное обследование заново, более развернутое.

И вот пожалуйста... Мои гормоны взбесились.

В отличие от меня, Арнак полностью здоров, ведь его проверяли тоже. Ему сейчас тридцать, он в расцвете сил, только и думает, что о детях, и они могут у него быть. Только вряд ли от меня...

Откуда на наши головы эта напасть?

Свекровь меня теперь точно съест!

Она и раньше меня недолюбливала. Все время меня подкалывала, подщипывала, на каждом празднике придиралась по поводу и без. Может, даже говорила Арнаку про меня плохое наедине, хотя он не подавал виду. Однако такого, как сегодня, еще не устраивала.

Я больше чем уверена, она всю дорогу домой льет ему в уши, какая я негодная жена, и как от меня надо избавляться.

Конечно же, я пойду и все пересдам в другой клинике, ведь всегда есть шанс, что в анализах ошибки. Но на это уйдет время, силы, деньги. Попробую лечиться, естественно. Но что если это ни к чему не приведет?

А что если Арнаку уже поперек горла мое лечение и ожидание чуда?

Он ведь со мной разведется при таком раскладе.

Сердце колет ржавой иглой, как только представляю, что Арнак от меня уходит...

А ведь он уйдет, если никого ему не рожу!

Он так и сказал мне, когда начали встречаться, — ты такая красивая, Рита, у нас будут замечательные дети, мы должны пожениться.

Муж и сам у меня ого-го, высокий, широкоплечий, смуглый, со слегка выющимися черными волосами и глазами, которые смотрят прямо в душу. С тех пор как мы познакомились, я ни на кого другого даже не оглянулась.

И что? Все? Нашей любви конец?

Неожиданно слышу шаги в коридоре, а затем и гостиной.

Это наша домработница Лусине, видимо, прошла через черный вход.

— Что вы здесь делаете? — Немного напрягаюсь. — Я же вас отпустила на сегодня.

— Забежала проверить, не нужна ли помощь в уборке после праздника, — немного виновато тянет она.

Лусине в принципе выглядит жалкой всегда — маленькая, совсем худая старушка, с большими блеклыми глазами. Но когда ей кажется, что она сделала что-то не так, ее и вовсе хочется обнять да успокоить. Вот такой тип внешности.

Она досталась нам вместе с домом, ведь давно служит в семье моего мужа. И у меня рука не поднимается ее уволить, хотя я предпочла бы делать все сама.

Неожиданно домработница подает мне блистер с таблетками, который я оставила на кухне.

— Выпейте, вы пропустили сегодняшнюю дозу витаминов, важно ведь пить каждый день.

Ах да, она еще неустанно следит за моим здоровьем.

Мне делается смешно. Глупо пить пренатальные витамины, когда тебе фактически подписали приговор по части детей.

Но я не хочу сейчас объяснять домработнице, что со мной не так. Просто принимаю из ее рук стакан с водой и таблетки. Кладу пилюли в рот и запиваю.

Даже не замечаю, как Лусине начинает убирать со стола в гостиной, как наконец уходит домой.

Замыкаюсь в себе, даже не вытираю струящиеся по щекам слезы.

И вдруг через приоткрытое окно слышу, как к дому подъезжает машина. Хлопает калитка, затем входная дверь.

— Рита, ты где? — зовет Арнак из прихожей.

Сердце делает тройное сальто, так радо появлению мужа.

Да уж, у меня определенно шалют гормоны. Но по крайней мере с выработкой окситоцина никаких проблем, потому что я безумно люблю своего мужа.

Хочу бежать к нему, обняться, заглянуть в глаза, получить поцелуй.

Но не бегу.

Ведь непонятно, с чем он пришел. Вдруг ка-а-ак попросит развод...

Глава 3. Как это случилось

Маргарита

Как самая последняя трусиха на свете, я сжимаюсь в комочек, укрываюсь пледом. Меня знобит, хотя майский вечер довольно теплый. И дико страшно встретиться с мужем.

Но встреча неумолимо приближается.

Не получив моего ответа, Арнак идет из прихожей напрямиком в гостиную. Я слышу его приближающиеся шаги, и хочется накрыться пледом с головой, а лучше забраться под диван. Не выдержу его разочарованного взгляда, а он наверняка сейчас жутко разочарован во мне.

— Малыш, ты что тут прчешься? — спрашивает муж.

А я не могу ему и слова сказать.

— Рита? — Он еще больше напрягается. — С тобой все в порядке?

И тут меня пробивает. Скидываю плед, швыряю в мужа скомканными и мокрыми от слез бумажками с анализами, кричу:

— Не-е-ет... Со мной не все в порядке, как видишь! Я практически бесплодная, если верить вот этому!

Муж наклоняется, собирает потрепанные бумажки, складывает их на кофейный столик.

А я швыряю в него пледом и рыдаю уже чуть ли не на-

взрыд:

— Видишь, какая тебе бракованная досталась...

Арнак выпрямляется, шумно вздыхает, громко отвечает:

— Вы с матерью сегодня как с цепи сорвались. Одна рыдает, другая рыдает.

— Она еще и плакала? — Я издаю смешок сквозь слезы.

— Типа ах, какая у тебя дрянная жена, Арнак. Так было дело? Разводись с ней скорее, разводись...

Вижу, как у него на скулах играют желваки.

— Я сказал, прекрати, — цедит он.

А я не могу прекратить. Меня несет все дальше и дальше.

Обиженным донельзя голосом спрашиваю:

— Ты теперь со мной разведешься, да? После этого...

— Не мели чушь! И вообще, придержи язык за зубами, женщина... — Он говорит это строго, даже резко.

И я затыкаюсь, потому что не умею спорить с ним открыто, хотя делается жутко обидно, что он второй раз за сегодня затыкает мне рот.

А потом происходит нечто удивительное.

Арнак шагает к дивану, тянется ко мне и берет на руки. Словно легкую пушинку, несет меня вон из гостиной, затем по лестнице на второй этаж. При этом даже не спрашивает, хочу ли я, чтобы он куда-то меня нес.

Впрочем, мне не хочется ни вырываться, ни отстаивать какие-то там права. Хочется, чтобы все произошедшее сегодня и вправду было чушью, ничего не значащей ерундой.

Неожиданно Арнак целует меня. Прямо на ходу! Впивается в губы, мнет их своими, и весь мир уплывает.

Я мгновенно забываю обо всем на свете, обвиваю его шею, позволяю его языку проскочить внутрь.

Он целует меня страстно, жадно, от его ласк у меня мгновенно кружится голова и влажнеют трусики.

Даже не замечаю, как он укладывает меня на нашу постель.

А едва успеваю перевести дух, как он достает из кармана белую бархатную коробочку.

— Тебе подарок, малыш, — говорит он ласково.

Чем окончательно выбивает меня из колеи.

— Подарок? Мне? За что? — Я искренне удивлена.

Чего-чего, а этого не ожидала.

— Как же? — Арнак вскидывает брови. — У тебя ведь день рождения.

— О-о... — стону я, ведь из-за последних событий совершенно про него забыла.

Сажусь в кровати и осторожно открываю коробочку. Оттуда на меня смотрит кулон-сердечко удивительной красоты — он усыпан маленькими синими камнями, легко сверкает в свете ночника, который зажег Арнак.

— Нравится? — спрашивает он с загадочной улыбкой.

Я вытаскиваю кулон, за ним тянется длинная золотая цепочка.

— Вау... — только и могу вымолвить.

— Дай надену, — просит он.

И застегивает украшение на моей шее. Потом расстегивает на мне блузу, любитесь кулоном, уютно устроившись в ложбинке между грудей.

— Сердце к сердцу, — жарко шепчет он и целует меня в эту ложбинку.

Ласка получается такая интимная, что я издаю сладкий стон.

— Давай сегодня просто праздновать твой день рождения, а все проблемы оставим на завтра, — просит Арнак.

— Лусине уже убрала со стола, — пожимаю плечами. — Если хочешь, я накрою все заново, или приготовлю что-то новое для тебя, или...

— Отпразднуем по-другому, — говорит Арнак со значением.

При этом смотрит на меня таким взглядом, что делается жарко.

И снова вливается в губы.

Я позволяю ему сделать со мной все, что он хочет. А он, как всегда, хочет много.

Мой муж — изобретательный любовник, с ним одним разом в миссионерской позиции не отделаешься. Он любит меня по-разному, страстно и долго. В спальне на кровати, в ванной прямо под душем и даже на кухне, куда мы все-таки спускаемся перекусить и выпить по бокальчику красного.

Я засыпаю в его объятиях, уверенная, что любима им, что

вместе мы преодолеем все.

А наутро, когда просыпаюсь, Арнака уже нет в спальне.

Зато на его подушке лежит записка, сделанная на половинке листа формата А4.

Написано идеально ровным почерком мужа:

«Прости, малыш, но нам лучше развестись».

Глава 4. Как они любили

Маргарита

Мне понадобились сутки, чтобы собрать себя по кусочкам.

Первые часы я выла громко, потом выла тихо. К вечеру уже шепотом, потому что охрипла.

Прокрутилась ночь, а на следующий день все же подняла себя с кровати.

Душ, охлаждающая маска для лица, макияж, свежий кофе, прическа.

Я приехала к мужу в офис ближе к вечеру, чтобы поймать после работы. Ведь трубку он так и не взял вчера ни разу, ни на одно сообщение не ответил.

Боялась, что охранник меня не пропустит.

Но я прошла без проблем, поднялась на нужный этаж, однако внутрь не вошла.

Так осталась стоять возле надписи «Меликян-СтройОрг». Это строительная фирма моего свекра, где Арнак работает заместителем генерального. Большая фирма, занимающая в бизнес-центре целых три этажа.

Арнак работает на втором, тут я и заняла выжидательный пост, зачем — даже сама не знаю.

Наверное, нормальная женщина на моем месте послала

бы мужа в пешее эротическое. Собрала шмотье и устроила ритуальное сожжение во дворе. Или вовсе сложила вещички, и поминай как звали. На развод можно подать и раздельно — это вообще не проблема.

Если тебя бросают при помощи сраной бумажки, это ж какое унижение... Такое прощать никому и никогда нельзя. Этого человека нужно вычеркнуть из жизни и идти дальше с гордо поднятой головой.

Но...

Я не нормальная, я влюбленная.

И меня лихорадит от одной только мысли, что я больше не увижусь с Арнаком, что это его сапфировое сердечко — последний подарок и вчера был последний раз, когда он меня целовал.

Мне дорогого стоит не разрыдаться снова. Прямо тут посередине коридора на глазах у спешащих домой сотрудников.

Некоторые из них здороваются со мной, другие просто с опаской поглядывают. Почти никто не решается сказать больше настороженного «Здравствуйте, Маргарита Ивановна». Наверное, я выгляжу соответствующе — не подходи, разревусь.

Ручеек работников фирмы иссякает.

И вот наконец я вижу Арнака.

Он выходит и резко тормозит, увидев меня.

Вижу, как мечется.

Подойти ко мне или уйти к лифту?

Вот такой у моего мужа непростой выбор.

Ошалело на него смотрю, неужели и сейчас у него не хватает соображения поговорить со мной по-человечески?

Но все же он подходит ко мне.

Гладко выбритый, наглаженный, в новом пиджаке, который я на нем раньше не видела. Надушен духами, опять-таки новыми. Чувствую ноты свежести — цитрус, мяту, морской бриз.

Надо же...

Ходил по магазинам, пока я рыдала в подушку?

— Зачем пришла? — Арнак не здоровается, пристально на меня смотрит.

— Я...

Ни слова не могу ему ответить.

Мне физически больно чувствовать, что ему все равно. Мне орать хочется...

А он стоит с нейтральной миной и смотрит на меня сверху вниз, как будто я никто. Как будто это не меня он взял в жены, не со мной прожил три года, не мне клялся в любви.

— Рит, ты помолчать пришла?

Он как будто издевается, неужели не понимает, как мне больно и плохо?

— Я... — снова хриплю, а потом меня прорывает: — Арнак, ты это из-за анализов? Ты же понимаешь, что я в этом не виновата! Не могу контролировать собственную кровь и эти гормоны. Я буду лечиться, я...

Затыкаюсь, поняв, что следующими будут мои мольбы подождать и не рубить с плеча. Не разводиться со мной, в конце концов.

Как будто мало мне предыдущих унижений, осталось еще на колени перед ним упасть и начать биться лбом об пол.

Арнак игнорирует все, что я сказала.

Спрашивает конкретно:

— Что ты хочешь при разводе?

Что можно хотеть при разводе? Не разводиться?

А-а-а, он про деньги?

Черт, я не подумала.

А можно я отдам все деньги, которые у меня есть и будут, но он от меня не уйдет?

Не озвучиваю свое суперпредложение, конечно же.

Моргаю, пытаюсь смахнуть ресницами слезы, потому что уже почти ничего не вижу, все мутнеет от обилия влаги в глазах.

Арнак по-своему принимает мое молчание и награждает меня новым унижением:

— Я оставляю тебе дом, кину сумму на карту, как только выведу с офшоров. Тебе хватит. Вопросом развода займется мой адвокат. Больше не приходи.

С этими словами он отворачивается и уходит к лифту.

А я чувствую себя самой большой идиоткой на свете.

Неужели в нашем браке только я одна любила?

Арнав

Я спускаюсь на лифте на нулевой этаж, где находится парковка.

На автопилоте дохожу до своей машины — мой черный седан припаркован справа у стены.

За руль не сажусь, мне за руль сейчас нельзя.

Я подхожу к покрытой светло-коричневой краской стенке и...

— А-а-а! — ору во все горло.

И бью кулаком в стену.

Мне ничуть не легче.

— А-а-а! — Я снова бью.

Хоть куда-то выплеснуть ту бурю эмоций, которая сжигает внутри. Хоть как-то дать выход...

Как же хреново!

Я готов зубами жевать металл, так мне паршиво от того, что сам лично сделал с Ритой.

Сжимаю правую руку для третьего удара об стену и вижу на сбитых костяшках кровь.

Кисть набухает прямо на глазах.

Черт, я, кажется, ее сломал...

Должно быть больно, да? Но я ни хрена не чувствую. Меня не трогает эта боль, она слишком маленькая в сравнении с

тем, что творится в душе.

Вот оно какво — чувствовать себя самым большим на свете судаком...

Глава 5. Осознание

Маргарита

Я не знаю, как мне хватает сил добраться до дома.

Не догадалась вызвать такси, долго брела пешком от бизнес-центра, где находится фирма мужа. Потом увидела трамвай, села в него, доехала до последней остановки. Откуда до нашего дома в пригороде еще полчаса ходу.

И вот теперь на автопилоте шагаю вперед, плохо ориентируясь в пространстве.

Босоножки изрядно натерли ноги, но мне плевать.

Я ругаю себя на все корки за то, что вообще пошла к Арнаку на работу. Что я выходила в своем крестовом походе? Ведь даже ни одного путного вопроса не задала. А их вертелось в голове много. «Как ты мог бросить меня с подобной жестокостью?» «Как у тебя хватило наглости так подло со мной поступить?» «Ты любил меня вообще, Арнак?»

Нет, ни одного из этих вопросов я не задала. Просто стояла там как дура, оправдывалась, блеяла что-то про лечение.

Зачем вообще пошла? Неужели лишь для того, чтобы в глаза ему посмотреть?

Посмотрела, и что? Легче стало?

Легче мне и близко не стало. В мозгу до сих пор пульсируют сказанные Арнаком слова.

«Больше не приходи».

Одна, казалось бы, фраза. Но в каком контексте сказана. Больше не приходи, больше не нужна, больше не жена. Неужели ему и вправду так просто со мной расстаться? Я с ума схожу, а ему это просто.

Со всхлипом бреду домой, поворачиваю на нужную улицу и вдруг вижу грузовик прямо возле ворот. На белом боку здорового монстра надпись: «Перевозки любой сложности».

Сердце ухает вниз, и я уже бегу домой как угорелая.

Подбегаю, вижу распахнутые настежь ворота, а во дворе снуют люди.

Туда-сюда, туда-сюда...

Таскают все из дома.

Торшер, коробки, из которых торчат провода бытовых приборов, и прочее.

Но по-настоящему мои глаза круглеют, когда я вижу, как четверо крепких ребят несут синий диван, который еще недавно украшал нашу гостиную.

Диван!

— Что происходит? — визжу так, что меня, кажется, слышно за пару кварталов.

Все замирают на какие-то доли секунды. А потом будто бы ускоряют бег. Словно муравьи, если вдруг кто-то тычет палкой в муравейник.

Ко мне подходит какой-то мужик в черной униформе и

рапортует:

— Вещи почти сложены.

— Чьи вещи? — Хлопаю ресницами.

— Вещи Арнака Артуровича Меликяна, — поясняет он.

— Пожалуйста, не мешайте, у меня инструкции.

Он делает знак грузчикам, и те принимаются затаскивать несчастный диван в грузовик.

— Стойте! — командую. — Остановитесь немедленно!

Но кто бы меня слушал.

Грузчики со скоростью звука завершают работу, игнорируют мои возгласы и забираются в машину.

Грузовик трогается с места и уезжает.

Некоторое время я стою и смотрю ему вслед.

Все это не могло случиться без ведома Арнака. Видимо, когда увидел меня в бизнес-центре, дал задание своим людям, чтобы собирали вещи. Воспользовался моим отсутствием? Или это Лусине доложила, что я ушла?

А я вообще видела Лусине в доме сегодня или хотя бы вчера? Кажется, она не приходила на работу, хотя не просила выходных.

В немом ступоре я еще некоторое время стою у открытых ворот. Потом все же догадываюсь их закрыть.

Прохожу в дом и морщусь, видя, сколько пыльных следов оставили рабочие на нашем новеньком светло-коричневом паркете.

Но больше шокируют даже не следы, а вот этот гул, когда

ступаю в босоножках по абсолютно пустому помещению...

Из дома вынесли все.

Кроме вещей Арнака, грузчики также забрали мебель, технику, телевизор, посуду.

Кажется, я даже слышу эхо собственных шагов, так везде пусто. Оставили лишь шкафы.

— Как такое может быть? — спрашиваю у самой себя.

Горько усмехаюсь.

Ну да, Арнак сказал, что оставит мне дом, но ведь про мебель не было и речи. Мебель, видимо, решил забрать. И воспользовался моментом, когда меня точно не было дома. Чтоб с комфортом и размахом, ну и чтобы я не успела звывать полицию.

Я нащупываю на груди кулон с сапфирами, подарок Арнака.

Сердце к сердцу.

Мне как будто дарил его другой человек. Тот Арнак из прошлого, который любил меня больше себя самого, обещал всегда быть рядом, стремился исполнить любое желание.

В нем никогда не было мелочности. Если я хотела что-то в дом, он с радостью позволял мне это купить. Везил в отпуск в хорошие отели, одаривал украшениями.

Да, он не миллиардер какой-нибудь, но давно трудился замом у отца и к тридцати годам успел прилично заработать, ведь заключил немало выгодных контрактов на своей должности. До этой самой минуты я считала мужа щедрым. Ви-

димо, надобность в этом отпала, раз мы все равно разводимся. И полезло истинное нутро.

Интересно, что было фальшивкой? То, каким Арнак был со мной раньше, или то, каков он сейчас?

Оставить жене дом и забрать из него все, вплоть до последней тарелки...

Не угадаешь, что у людей в головах.

И только в эту минуту мне приходит на ум, что, может, оно и к лучшему, что мы разводимся.

Похоже, я совсем его не знала, раз он способен на такую дичь.

Достаю телефон, хочу позвонить Арнаку и все высказать. Но зачем? Разве он поймет, как плохо сделал? Вот уж нет.

Поэтому ограничиваюсь лишь сообщением: «Я даже подумать не могла, что ты такое фуфло с бантиком».

Глава 6. Дорогая клиентка

Маргарита

Я сижу в сквере, неподалеку от салона красоты «Мэджик Леди», пью кофе с молоком, купленное навынос в соседнем кафе, и ежусь, слушая по телефону мамин треп:

— Доченька, я поговорила с Гильермо, он совсем не против, приезжай к нам в Испанию. У нас большой дом, отдохнешь, развлечешься...

Моя мамуля каким-то образом умудрилась в сорок выско-
чить замуж за горячего испанца, правда он старше ее на де-
сять лет. Гильермо, кстати, нормальный дядька, вот только
дико общительный. Русский он знает плохо, но это совсем
ему не мешает. Представляю, как эти двое насядут на меня,
вынимая душу...

Мне пока что сложно общаться с людьми, даже с близки-
ми. Нет не так — особенно с близкими, ведь им надо рас-
сказывать, как у меня дела. А я не могу говорить о личном
без слез.

Мне жить больно, мне вставать по утрам больно, я есть не
могу, мне еда невкусная.

Естественно, маме всего этого не объяснишь. Да и не го-
това я к таким откровениям.

Есть и еще одна причина — лишнего полтинника на би-

леты в Испанию тоже нет. Все свои накопления я потратила на то, чтобы как-то обустроить житье-бытье в доме, который теперь кажется мне мертвым. А Арнак, видимо, забыл про свое обещание прислать мне какие-то деньги.

Матери об этом также не говорю, потому что стыдно.

— Нет, мамуль, я как-то тут... Пытаюсь налаживать ж-ж-жизнь...

Не знаю, как так получается, но я умудряюсь начать стучать зубами, будто замерзаю насмерть.

Это происходит со мной вот уже несколько дней подряд.

После того как меня ограбили, а по-другому вывоз вещей я назвать не могу, внутри все будто заledenело. Вместе со мной и мои эмоции. Надо сказать, даже проще так жить — замерзшей.

Мама мгновенно реагирует неудобным вопросом:

— Дочь, что с тобой?

Как будто она не понимает, через что я сейчас прохожу, ведь сама пережила жуткий развод с моим отцом, когда я была еще маленькой. Я вдоволь наслушалась от нее историй по этому поводу.

— Да что-то знобит. — Я не вдаюсь в детали.

— У вас же июнь! — подмечает мама. — Как можно замерзнуть в июне?

Да, вот такой парадокс: у нас лето, жара на улице, а я зубами стучу.

Такое ощущение, будто я потеряла опору в жизни, заодно

собственный комфорт, а с ним ушло и тепло.

Меня больше ничего не радует. Отвлекаюсь разве что только на работе — это единственное, что держит меня на плаву.

— Мам, все в порядке, — нагло ей вру.

В этот момент мимо меня проходит владелица салона красоты, Виолетта Эдуардовна. Как кошмарное видение, как гений злобной красоты.

За глаза мы называем ее Выдрой. Потому что больно похожа, хоть и блондинка.

— Маргарита, заканчивай пить кофе, тебя там ждет очень настырная клиентка, — отмечает она с профессионально недовольным видом.

И уходит в сторону ресторана, что находится напротив. Видимо, обедать.

А ведь у меня не было записи на это время!

Ух...

Шумно вздыхаю, возвращаюсь на свое рабочее место.

Салон элитный, зарплата хорошая, работу терять не хочется. Учитывая, сколько я старалась для того, чтобы меня сюда взяли. Тружусь в «Мэджик Леди» парикмахером-колористом вот уже больше года, среди моих клиенток элита администрации города.

Я работаю парикмахером с шестнадцати лет. Призвание. А начала учиться этому чуть ли не с десяти лет — у мамы в салоне.

Смешно, но Арнак постоянно говорил мне — бросай работу, милая. Зачем тебе это все?

Его бесили и мой рабочий график, и курсы по повышению квалификации, а мечта открыть свой салон красоты вообще казалась глупостью.

Неудивительно, ведь у него были совсем другие планы на мою жизнь.

Он хотел, чтобы я сидела дома с детьми. Которых не смогу родить...

Правда, перепроверять анализы или что-то делать по поводу своего бесплодия я пока не стала. Займусь этим позже, когда... Разморожусь?

Не хочу думать об этом.

Впрочем, мне сейчас и рожать-то некому, так что этот вопрос, без сомнений, можно отложить.

Интересно, что бы я сейчас делала, как бы выживала, если бы вправду послушалась Арнака и бросила работу? Об этом он не думал, разумеется.

К слову, муж совсем не возражал, чтобы я его стригла. Говорил — я его лучший мастер, хотя сама специализируюсь по женским стрижкам.

Я шумно вздыхаю, захожу в салон, киваю Лидочке, администратору, прохожу в зал.

Мое рабочее место возле окна.

Большое зеркало, открытая полочка с кучей баночек с муссами, гелями и прочими прибабасами для ухода за во-

лосами. Стойка с расческами и феном.

Посреди всего этого стоит черное кресло для клиентов.

В котором восседает...

Моя свекровь!

Тарам-парам-пам.

Мариам Вазгеновна собственной персоной. Как всегда, одета в черное, с толстой ниткой жемчуга на шее.

— Здравствуй, Маргарита. — Она тянет губы в улыбке. — Я подумала, зачем нам с тобой расставаться врагами, когда мы можем дружить? Администратор сказал, у тебя отменили запись на после обеда. Раз ты все равно свободна, наведешь мне красоту?

Простота хуже воровства.

Что ей от меня надо?

Визуал

Дорогие, любимые, представляю вашему вниманию визуал героев, какими их вижу я.

Арнак, 30 лет. Муж. Пока что...

Его осознания еще впереди. Как и сожаления, и серьезные мужские решения.

Маргарита, 24 года. Жена. Почти бывшая...

Девушка с сильным характером, у нее обязательно все получится.

Мариам Вавзгеновна, 53 года. Свекровь.

Она жила с очень строгими родителями и не любящим мужем. Но это, конечно, не оправдание. Ее осознания тоже еще впереди.

В будущем я покажу вам больше визуала, но поскольку он содержит спойлеры, решила пока придержать остальное.

Надеюсь, понравилось!

А теперь возвращаемся к нашим героям...

Глава 7. Кикимора болотная

Маргарита

— Что скажешь, Маргарита, — тянет Мариам Вазгеновна с едкой ухмылкой. — Будем дружить? Я тут пообщалась с директором салона, оказалось милая женщина. У нас даже нашлись общие знакомые... К слову, она тебя очень рекомендовала как специалиста.

За все три года нашей с Арнаком совместной жизни она не воспользовалась моими услугами ни разу, хотя я предлагала. И тут явилась — не запылилась.

Таращусь на свекровь во все глаза, с трудом вслушиваясь в ее треп. А она будто бы наслаждается моим замешательством.

Может, Мариам Вазгеновна просто надеется, что я устрою скандал и выпровожу ее? Заодно получу по шапке от начальства. Например, за то, что отказалась обслуживать выгодную клиентку. Небось, специально подобрала такое время, чтобы встретиться с Выдрой, которая обычно стелется перед клиентами и нас этому учит.

Судя по довольной улыбке свекрови, все так и есть!

Не доставлю ей подобного удовольствия... Она — не единственная, кто умеет играть в такие игры.

Подобно ей, растягиваю губы в дьявольской улыбке.

— Конечно, Мариам Вазгеновна. — Подхожу к креслу.

Берусь за спинку и поворачиваю свекровь к зеркалу, становлюсь за ее спиной и делаю вид, что разглядываю ее шелюру.

— Я с удовольствием наведу для вас красоту. — Продолжаю мило улыбаться. — Что бы вы хотели? Может, добавить блеска вашим тусклым волосам? Или, наконец, состричь секущиеся кончики? Может быть, сделаем маску для шелковистости? А то ваши локоны выглядят слегка совершенно безжизненными... Вы пользуетесь бальзамом?

На самом деле с волосами у Мариам Вазгеновны все okay, хотя я бы на ее месте давно состригла длиннющие локоны, которые она постоянно убирает в высокую прическу, тратя при этом невероятное количество лака. И волосам бы было легче жить, и природа бы так не страдала. Хотя я бы, конечно, поиграла с цветом, сделала его менее черным, добавила ноту теплого, шоколадного оттенка. Это позволило бы свекрови визуально сбросить пяток годков, а заодно сделало ее менее похожей на злющую стерву.

— Кстати, корни уже пробиваются, надо бы подкрасить, — выношу я вердикт.

В этот момент свекровь начинает икать. Да так забористо, что мне хочется смеяться. Видно, не ожидала критики своей идеальной внешности.

— Водички? — Я снова лучезарно улыбаюсь.

— Да, пожалуй, — тянет она.

После того как я даю ей воды, Мариам Вазгеновна любезно соглашается подкрасить корни и подравнять длину волос. Я приступаю к смешиванию красок для нее.

Отхожу в сторону к своему шкафчику, где у меня тысяча и один оттенок черного, коричневого, русого, красного, розового. Любого, даже зеленого. Была у меня одна клиентка... А впрочем, неважно.

Стараюсь вслушаться в бесконечную болтовню Мариам Вазгеновны.

А она начинает говорить буквально без остановки:

— Конечно, я понимаю, что тебе тяжело. Но Арнак, он такой... Возвышенный мужчина. Такой не каждой по зубам. Наверное, в глубине души ты предчувствовала, что вы расстанетесь, верно? Ты же понимаешь, что все равно не подошла моему сыну...

— Это, интересно, почему? — не удерживаюсь от вопроса.

Нет я понимаю, если бы она опять начала тыкать палкой в мое больное — что я бесплодная с сумасшедшими гормонами и так далее. Но похоже, она даже не это имеет в виду.

— Ты хорошая девочка, славная, но... Ты же обслуживающий персонал. — Свекровь одаривает меня снисходительной улыбкой.

Последней фразой она будто кислотой в меня плещет, настолько жжет и горит лицо.

Никто и никогда не называл меня так из-за моего выбора

профессии.

Я же не горничная, не уборщица, даже не официантка. Хотя лично я не вижу ничего плохого в этих профессиях. Они важны и очень нужны. Сложись моя жизнь по-другому, возможно у меня была бы и такая работа.

Но стрижка — искусство.

Она нужна каждой женщине, она поднимает настроение, позволяет чувствовать себя особенной.

Салон красоты — отдельный мир, где всегда вкусно пахнет, где люди доброжелательны. Это свой микрокосмос, если угодно, место, где ты становишься на порядок счастливее и, чего уж там, красивее. Я люблю находиться здесь, я сюда отлично вписываюсь. У меня много благодарных клиентов и запись на три недели вперед.

А оно вот, оказывается, как меня видели в семье мужа.

Обслуживающий персонал...

Интересно, Арнак тоже так обо мне думал, когда я его стригла?

— Что призадумалась? — спрашивает свекровь. — Надеюсь, я не обидела тебя? Я всего лишь была искренна...

Моя рука действует отдельно от меня. Резко ныряю за определенной баночкой в самую глубь шкафа, осторожно добавляю ее содержимое в мисочку, где мешала черную краску для свекрови.

— Нет, нет, вы что, я не обиделась, — спешу заявить и снова принимаюсь мешать краску.

Сколько можно находиться в аду, чтобы не сгореть заживо?

Я вот жарюсь тут уже час.

Благодаря чудесной компании Мариам Вазгеновны я даже забываю про свой озноб.

А она продолжает болтать как ни в чем не бывало:

— Конечно же, в вашем с Арнаком разрыве и я виновата тоже...

После этого ее признания я выпадаю в осадок.

Естественно, она виновата! Потому что деликатности в ней ноль, потому что воспитывать сыновей — это не ее, и принять выбор своего ребенка она не в состоянии.

Но что-то мне подсказывает, что Мариам Вазгеновна совсем не это имеет в виду.

— Что вы хотите этим сказать? — спрашиваю я, подходя к ее креслу.

Тянусь к ее голове, чуть отодвигаю фольгу и проверяю, как идет покраска. С умным видом киваю, типа все okay, и смотрю в зеркало, где мы с Мариам Вазгеновной отображаемся.

— Я... — Свекровь смотрит на меня — Мне нужно было настоять в свое время, чтобы он на тебе не женился. Ведь понятно было, чем дело кончится. Видишь ли, ему нужна хо-

рошая армянская девочка в жены. Но он так настаивал, что мы с отцом дали слабинку, согласились. А без нашего благословения он бы не женился на тебе. Я так виновата, Маргариточка, прости меня! Мне не нужно было давать благословения на ваш брак.

Она картинно заламывает руки.

Мне же хочется выхватить из-за пояса ножницы и вонзить их ей в лицо.

Держусь из последних сил, на чистой силе воли.

А она продолжает заговорщическим тоном:

— Кстати, я вот о чем хотела с тобой поговорить... Право, даже неловко, может не стоит? Ах, ладно, скажу. Мы же свои люди, вено? Арнак объявил, что оставит тебе после развода дом. Но ведь это мы его подарили вам. А твоя мать принесла на свадьбу сертификат на матрац и подушки с одеялами...

— Которые вы также забрали, — подмечаю я с издевкой.

Мариам Вазгеновна кривит лицо и делает вид, будто не замечает моего ответа, продолжает:

— Я уже подобрала Арнаку новую невесту. Такую хорошенькую, очень здоровую. Как бы было хорошо, если бы дом достался им с Арнаком. Чтобы детки гуляли по двору, бегали по лестнице с первого на второй этаж, летом купались в бассейне... Зачем тебе тот дом, Рита? Отдай его Арнаку, будь благородна.

Моя челюсть отвисает до пола.

Вот оно что...

Похоже, Мариам Вазгеновна пришла сюда не только слить яд, но и договориться по поводу дома, который стал склепом наших отношений с ее сыном.

«Да подавись ты этим домом!» — хочу выкрикнуть.

Но сдерживаюсь. С чего вдруг я должна ей его отдавать? Тем более учитывая, как со мной поступили. Я меркантильная, да? Но это грабеж чистой воды. И хамство!

— Пора смывать краску, Мариам Вазгеновна, — говорю ей.

Она встает, с важным видом проходит к креслу возле раковины.

Трясущимися от злости руками я смываю с нее краску, наношу маску для закрепления цвета.

— Полежите немного. Молча... — прошу я.

А через пять минут, когда маска уже смыта, а Мариам Вазгеновна сидит с полотенцем на голове у зеркала, я с милой улыбочкой прошу ее подождать с оценкой цвета, когда высушу ей голову.

Она ведется.

Честно говоря, я сама не знаю, чего ждать.

Я намешала в своей мисочке термоядерный коктейль...

Черные волосы практически не поддаются покраске, для того чтобы поменять их цвет, нужна сначала смывка, причем часто не одна, а уж потом цвет...

А я смешала черную краску, смывку и не пожалела целый тюбик зеленой краски. Потому что... Нефиг!

Я спешно принимаюсь за работу.

Аккуратно, массирующими движениями снимаю с головы Мариам Вазгеновны полотенце.

На первый взгляд все окей, ведь мокрые волосы часто выглядят темнее, чем есть на самом деле. Но мне, как профессионалу видно, что они уже не черные и совсем не однородные по цвету. Что до корней... Краска взялась кусками. Кое-где пробивается бледно-зеленый, кое-где болотный, но есть и серебристо-белые участки. Так смывка действует на натуральную окраску волос, которая у Мариам Вазгеновны ввиду возраста напоминает соль с перцем.

Она еще не понимает, что происходит.

Подслеповато щурится, разглядывая себя зеркале.

Я же времени зря не теряю.

Расчесываю ее волосы, подсушиваю феном. И чем больше сушу, тем более явным становится грязно-болотный цвет ее шевелюры.

— Стой! — кричит свекровь.

Вскакивает с кресла и прилипает к зеркалу, внимательно изучая собственные волосы. При этом глаза ее чуть не выскакивают из орбит.

— Вам нравится цвет, Мариам Вазгеновна? — спрашиваю с елейной улыбочкой.

— Ты что наделала? — верещит она раненым поросенком.

— В смысле? — картинно удивляюсь я.

— Они зеленые! — пищит она, теребя пальцами длинную прядь волос. — Ты это сделала специально, да? Ты, мать твою, специально!

Жираф Жирафыч... О чем она думала, когда явилась ко мне краситься? И ладно бы просто явилась, но она ведь не затыкалась все это время.

Делаю паузу перед ответом, хлопаю ресницами, растягиваю губы в виноватой улыбке и милым голоском интересуюсь:

— А вы не так хотели, да? Мариам Вазгеновна?

— Я хотела не так! — орет она во все горло. — Заказывала мой природный черный цвет волос! Я теперь на кикимору болотную похожа!

— А вы — не она? — Я снова мило улыбаюсь. — Простите, вы просто очень похожи...

— Как ты смеешь! — кричит она. — Я тебе такой отзыв оставлю, что икать будешь до второго пришествия!

С этими словами свекровь пулей вылетает из салона.

Ишь ты, отзыв она мне напишет паршивый... Страшно-страшно!

У меня на сайте салона рейтинг 5,0. Думаю, я переживу, если он вдруг станет 4,9.

Глава 8. Склеп

Маргарита

Я думала, Выдра Эдуардовна уволит меня к шутам за выходку с зелеными волосами. Любого другого мастера она не пощадила бы.

Но...

За меня заступились девчонки, рассказали, какой ужас она несла, и все это слышали.

А когда начальница узнала, что это моя свекровь, даже похвалила. Видно, у нее тоже в жизни не все гладко, раз такая реакция. Пусть и не рассказывает нам ничего.

Я возвращаюсь домой вечером почти победительницей.

Бодро шагаю к дому, мечтая о ванне.

И вдруг во дворе натыкаюсь на Лусине.

Старая служанка, за три года службы ставшая родной, смотрит на меня глазами побитой собаки. Это особенно отчетливо видно в закатных бликах летнего солнца.

Лусине спрашивает, нужна ли мне еще ее помощь.

— Такой большой дом, — заламывает руки она. — Вам ни за что не справиться одной. Да и надежнее вдвоем, сколько на свете лихих людей. А я буду всегда рядом с вами, наводить в доме идеальную чистоту, продолжать следить за вашим питанием, приемом лекарств и прочее.

Вроде бы она ничего такого не говорит. Все обычное — перечисляет прошлые обязанности.

Но что-то мне становится не по себе.

Лусине — будто надсмотрщик надо мной, которого отпавила сюда свекровь.

Как только это приходит в голову, в груди склизким слизнем ворочается беспокойство.

— Извините, Лусине, но мне сейчас нечем вам платить, так что... — использую отсутствие денег как отговорку, хотя это правда по сути.

— А и не надо, — вдруг кивает служанка, радостная, что нашла, за что зацепиться. — Мне достаточно крова и еды. Раньше платили хорошо, у меня есть накопления...

Вот так да. Оказывается, есть слуги, которые готовы работать бесплатно. Или она попросту получает основную зарплату не от меня.

— Помощь не нужна. Всего доброго, Лусине, — я делаю ударение на последнем слове.

Наблюдаю за тем, как служанка покидает двор. Прохожу к двери и обнаруживаю — она не заперта.

По коже пробегает холодок, но это отнюдь не из-за моего ставшего уже привычным озноба. Я ведь помню, как запирала дверь!

Наверное, сюда заходила Лусине. Зачем? Что-то взять? Посмотреть? Разнюхать? А кто еще сюда заходил? Ведь ключи есть не только у бывшей служанки, которая, к слову, так

их и не вернула. Связки имеются и у Арнака, и у свекрови. Осторожно ступаю по дому, заглядываю в каждую комнату.

Тут пусто, тихо и... Затхло. Хотя я утром проветривала. Дом будто бы скис, как просроченный кефир, хотя ремонт здесь свежий. Захожу на кухню и особенно сильно ощущаю этот неприятный запах тут. Просматриваю все, открываю холодильник, который купила сюда на днях.

Здесь чисто, ничего не видно, но запах никуда не девается. Последний мой шаг — заглянуть в вентиляцию. Решетка, ведущая в трубу вентиляции находится как раз над газовой плитой.

Тяну носом — и вправду запах будто оттуда. Достая табуретку, подставляю к стенке, взбираюсь и осторожно открываю крышку.

Внутри лежитдохлая крыса. Причем полуразложившаяся.

Как она сюда попала? Как вообще может попасть крыса в новый дом? Их тут никогда не водилось!

Может, подложили? Пытаются меня таким образом отсюда выселить?

Морщу губы в омерзении и спускаюсь на пол.

Мне нужно срочно поменять замки, возможно подключить сигнализацию, поставить камеры.

Достаю телефон и открываю приложение банка, подсчитываю оставшуюся копеечку и вдруг понимаю...

Этот склеп, зовущийся домом, не стоит того, чтобы я за него боролась.

Мне тут вообще ничего делать не нужно.

Этот дом съедает меня, с уходом Арнака я тут чужая, ино-родная.

Меня здесь не оставят в покое...

Сама не ведая, что творю, я отправляюсь в кладовую и достаю чемоданы, тащу их в спальню.

Открываю шкаф и вываливаю на надувной матрац свою одежду.

Да, да, все эти дни мне пришлось спать на надувном матраце, потому что Арнак забрал даже кровать. От воспомина-ний о том, как отсюда вывозились вещи, я снова морщу губы в омерзении.

А впрочем, жирно ему будет, если я вот так просто возьму и съеду.

Считай, перевяжу дом ленточкой, нацеплю бантик и подарю ему и его правильной армянской девочке, или кого там ему присмотрела мамочка...

Представляю Арнака в постели с другой, и внутри аж все перекручивает от дикой, невыносимой боли.

А потом до меня доходит — он, скорей всего, давно в от-ношениях с другой. Может даже, какое-то время с ней спит. А я была так, для антуража. Иначе откуда бы взяться невесте так скоро?

Идея того, что Арнак мог мне изменять, больно ранит.

Мы ведь официально еще даже не развелись.

С запозданием до меня все-таки доходит, что сейчас происходит в моем мозгу.

Надо же!

Я пообщалась со свекровью всего ничего, а ее яд до сих пор гуляет по венам.

Вот я уже съезжаю из дома, уступаю его им, представляю Арнака в постели с другой. Корчусь от новой боли, как будто мне старой мало.

Быстро достаю телефон и пишу Арнаку: «Подавись своим домом. Я хочу половину его стоимости, а также половину от накоплений, которые ты сделал за последние три года. Либо ты соглашаешься и мы подписываем мировую, либо я иду в суд и подаю на раздел имущества».

Четко и ясно, без сантиментов. Пусть считает меркантильной дрянью, мне все равно.

Телефон мгновенно оживает ответом: «Ты чего удумала? Я оставил тебе хороший дом, почему ты не хочешь жить там? Куда ты пойдешь? Тебе же некуда!»

А мне есть куда.

Уезжая к Гильермо в Испанию на ПМЖ, мама оставила мне вполне приличную двушку не слишком далеко от салона, где я работаю.

Там, правда, сейчас лишь голые стены, отделанные под шпаклевку. И даже ванной нет.

Но есть унитаз и раковина на кухне, что уже немало. А

остальное...

Пф-ф-ф... Где наша не пропадала!

Глава 9. Новая старая квартира и еще кое-что

Маргарита

Пальцы немного трясутся, когда я открываю дверь родительской квартиры.

Мы с мамой тут прожили много счастливых лет, но тогда квадратные метры выглядели кардинально по-другому.

Потом с мамой случился Гильермо, и она укатила в Испанию. А со мной случился Арнак, и я тоже укатила в светлое замужнее будущее.

Квартира оказалась никому не нужна.

Мама благородно решила оставить ее моим нерожденным детям. А до того, как они повзрослеют или хотя бы родятся, она собиралась сделать в квартире ремонт и сдавать ее.

«Все какая-то копеечка, отложим на черный день», — любила повторять она.

Но это в мечтах, а на деле...

На деле делать ремонт в квартире, когда ты находишься за тридевять земель, — нереально.

Прогресс застопорился на том, что из квартиры вытащили все что только можно, старый паркет убрали, стены подготовили под шпаклевку. А потом мама с прорабом торже-

ственно разругалась, потому что ну невозможно столько воровать и врать.

Мы собирались искать нового, но в тот момент выступили со своими авторитетными мнениями наши мужчины.

«Зачем вам вообще делать там ремонт?» — вопрошали они.

«Какие квартиранты?» — негодовали они.

«Ваш ремонт никогда не окупится, к тому же его непременно испортят. Вот когда квартира понадобится по прямому назначению, тогда и сделаем ремонт, хороший и современный. А пока что сидите на попе ровно, барышни», — вынесли они безапелляционный вердикт. Даже в кои-то веки друг с другом согласились, хотя не очень-то ладили.

И никто не подумал, что квартира может понадобиться мне, причем в такой ситуации, когда ни времени, ни денег делать пресловутый ремонт попросту нет.

Вот такая веселая история.

Прохожу в квартиру и аж присвистываю от ужаса.

Да, да, за те два года, что я сюда ни разу не зашла, ничего-то не поменялось. Бело-серые стены под шпаклевку, бетонный пол, грязная раковина и подобие плиты на кухне, целый унитаз в ванной.

Шикарно, чего уж там.

Это так ярко контрастирует с домом Арнака, что мне на секунду хочется опять расплакаться.

Но...

Это ли не прекрасно, что теперь у меня есть реальная цель, которая может меня занять достаточно сильно, чтобы не думать о разводе?

Сейчас как возьму, как пойду в хозяйственный, как куплю веник, повыметаю сор из углов. А потом и вовсе как выбью себе... кредит на ремонт в банке. Как-то да выплачу его — или из денег, которые мне причитаются после развода, или же сама потихоньку, если Арнак и дальше поведет себя как свинья.

Я ведь неплохо зарабатываю, как-то да справлюсь. К тому же некоторые вещи я и сама сделать в состоянии, например обои наклеить. Вон на Рутубе полно обучающих роликов. И сама смогу сделать со стенами все, что положено сделать до того, как клеить на них обои. И вообще...

Да, вот такой я чертов оптимист, аж самой от себя тошно.

Дни летят за днями, недели за неделями.

К наступлению июля моя хрущевская двушка уже выглядит не так убого.

Нет, нет, никакого путевого ремонта тут не появилось, как и денег от мужа, на которые я могла бы этот ремонт сделать.

Но у меня появился кредит, а в квартире пол — вполне себе человеческий, покрытый недорогим бежевым линолеумом на первое время.

Также появилась новая кухонная плита, кое-какой гарнитур, шкаф, куда я сложила вещи. А еще я купила высококачественный надувной матрац, на котором чувствую себя почти королевой.

Делаю закупки материала для предстоящих ремонтных работ, присмотрела себе ванну.

Есть даже одно особое достижение: я научилась купаться в раковине.

В общем, живу, ем, дышу, работаю, меня даже прекратил мучить озноб.

И вроде бы все ничего, но...

Дата нашего с Арнаком развода подкрадывается откуда-то сзади.

Она убивает все настроение, бережит душу.

Вроде бы прошло уже больше месяца со времени, когда я осталась без предателя-мужа. А вроде бы это случилось будто вчера.

И снова так же больно, и снова дикие переживания.

Надо было меня видеть, как я готовилась к нашей с Арнаком встрече в загсе.

Купила новый костюм — светло-бежевый, девчонки в салоне сделали мне прическу локон к локону, макияж, маникюр с педикюром. Я заказала себе шпильки!

Хотелось, как последней дуре, блеснуть напоследок.

Показать, какую красоту муж потерял.

Хоть чем-то утереть нос. Кто разводился, тот меня пой-

мет.

А Арнак не пришел.

Точнее, не так: явился раньше, чтобы забрать свое свидетельство о разводе и при этом не встретиться со мной. Все равно что еще один трусливый удар в спину.

На выходе из загса я получаю сообщение от подружки.

«Глянь, какая сука!» — кричит она и присылает пост, который сделала жена одного из братьев Арнака, Нарэ.

Нарэ всегда славилась тем, что выкладывала свою жизнь в Сеть. Тридцать лет, а ума нет, ведь продолжает делать это до сих пор.

И вот в последнем из ее постов прекрасное: «У моего деверя Арнака почти помолвка с этой очаровательной девушкой!»

Дальше идет фото какой-то восточной красавицы.

Вижу это и чуть не роняю мобильник прямо на плитки ступенек загса.

Ну конечно же, Арнак съездил за заявлением раньше. Ему ведь надо было спешить, у него там почти помолвка!

Глава 10. Кому она помешала?

Маргарита

Не удерживаюсь, пишу Арнаку сообщение: «Подлец!»

Он читает и...

Молчит.

Молчит, скотина!

И я от его молчания злюсь еще больше.

Нет... Что-то печатает в ответ. Печатает, печатает... И ничего не приходит. Он стер?

Подлец! Подлец! Подлец!

Хоть тысячу раз повтори, а сути дела это не поменяет.

Я тут чуть на изнанку от боли не вывернулась, пока шла в загс подписывать бумаги о разводе, а он подмахнул их и умчал праздновать почти помолвку.

А почти ли?

Да, скорее всего, мое предположение о том, что он давно с другой женщиной — правда.

Теперь эта загадочная особь женского пола приобрела конкретное лицо.

И какое!

Я еще раз внимательным образом просматриваю пачку фото, выложенных женой деверя.

Некая Егине красуется на камеру от души.

На ней белое платье, она лучится хорошим настроением.
А лицо...

И вправду восточная красавица. Все как водится — белокожа, черноброва, кареглаза. И губы у нее полные, и нос маленький, что нехарактерно, конечно же. Волосы и вовсе обалденные — длинные, пышные локоны. Таких волос хватило бы с лихвой и на две девушки.

Впрочем, очень скоро образ Егине мутнеет, потому что в глазах у меня как по команде появляются слезы.

Словно мазохистка, я стою на ступеньках загса и читаю посты бывшей родственницы один за другим.

А там их много!

Ах, какая Егине затейница, умеет сама, своими белыми ручками, печь торт «Микадо», который Арнак так любит...

Он любит, факт. Я ему этот гребаный торт пыталась печь множество раз, и никогда у меня не получалось так же вкусно, как у его бабули!

Ах, какая Егине модница, недавно была в Милане, привезла оттуда кучу обновок и всем раздарила...

Да, я не была в Милане, потому что не родилась с золотой ложкой во рту и никто меня туда не отвез. Но разве я в этом виновата? И вообще, зачем я сравниваю себя с этой курицей, падкой до чужих мужей? Чтоб ей икалось до второго пришествия, твари такой.

Финалочка — надпись под фото, где Арнак входит в комнату, а красавица Егине ждет его со скромной улыбкой.

«Эти двое так чудно смотрятся...»

Когда вижу это, мне становится так больно, что сложно дышать. Грудь будто наполняется битым стеклом, которое ранит при малейшем движении.

— А-а-а... — тихо стону.

И не понимаю, зачем бог дал мне такую безумную, слепую любовь к этому человеку.

Я ведь думала, что почти примирилась с разводом, почти отошла, почти успокоилась.

А оказывается, и близко нет, если судить по моей реакции.

Прячу в сумку и мобильный, и свидетельство о разводе.

Игнорирую сочувствующие взгляды прохожих и спешно шагаю подальше от загса.

Я слишком взвинчена для каких-то рациональных действий, поэтому даже не смотрю в сторону трамвая, не вызываю такси.

Пытаюсь быстрым шагом выгнать из организма стресс, и мне даже плевать, что я на каблуках.

Вот только стресс не выгоняется.

Иду по улице, размазываю по лицу косметику, рыдаю...

Вспоминаю, как Нарэ, подобно сегодняшнему буму постов, радовалась нашей с Арнаком помолвке. С каким упоением я тогда читала посты, радовалась фото и тому, какие мы были счастливые на них.

Теперь Арнак будет счастлив с кем-то еще, а у меня даже нет права ревновать, мы ведь развелись.

Даже толком ничего не вижу впереди себя из-за собственных слез. Креплюсь изо всех сил, чтобы не начать выть прямо на улице.

Неожиданно откуда-то сбоку слышится крик женщины:
— Сумасшедший водитель!

Оборачиваюсь и вижу мутное желтое пятно, которое на поверку оказывается спорткаром, несущимся вперед на красный свет.

Не реагирую, потому что я на тротуаре, а не на проезжей части, хотя нахожусь на перекрестке.

Однако машина резко меняет траекторию движения. Она летит в мою сторону, даже не притормаживая.

В лихорадочно работающем мозге мелькает мысль, что этот спорткар несется на меня прицельно. Кому я так жить помешала?

Глава 11. Почти помолвка

Арнак

Я как раз паркую машину во дворе роскошного родительского особняка, когда телефон пищит сообщением.

Ненадолго задерживаюсь, открываю мессенджер, а оттуда на меня осуждающе напрыгивает одно лишь слово: «Подлец!»

И написано это слово моей женой Ритой. Бывшей.

Какое уродское сочетание — бывшая жена Рита. Эти слова не должны стоять в одном предложении.

Но стоят.

И Рита вполне закономерно считает меня подлецом.

Я дал ей на это очень весомую причину.

Но...

Я бы понял, напиши она мне это сразу после того, как оставил ей ту гребаную записку про развод.

Или позже... После того как она наведалась ко мне на работу. Я тогда не знал, что сказать такого, чтобы хоть как-то оправдаться в ее глазах. Впрочем, на свете вряд ли существует это что-то.

А сегодня я по какому поводу подлец?

Почему конкретно в эту минуту? Что я такого сделал?

У меня взрывается мозг!

Ей что, сложно было уточнить причину?

Это из-за того, что я решил не встречаться с ней в загсе и приехал за своим свидетельством раньше?

Ну вот да, я подумал, что нам с ней будет лишним встречаться.

Потому что до сих пор в глаза ей смотреть не могу.

Стыдно звездец. И больно адски.

Я себя уже трижды проклял за то свое уродское решение. Жаль, фарш не провернешь назад.

Кстати, может Рита так меня назвала из-за денег?

Но я ведь четко ей расписал в письме, что деньги вложены в одно дело за рубежом. Когда я их вкладывал, про развод еще и речи не было. Вернутся в ближайшее время, тогда ей достанется ее часть.

Круглая сумма, плюс дом, от которого она отказалась, потребовав за него деньги, — как по мне, неплохие отступные при разводе. Рите мало? Она хочет еще? Так сказала бы!

Я, конечно, мог бы продать дом и выплатить ей деньги сразу, но все еще лелею надежду, что она вернется туда жить. Хорошее место, хороший район. В тысячу раз лучше той убогой квартиры, куда она в итоге перебралась. Лучшего для нее хочу.

Неужели она вправду злится из-за денег?

Не-е-ет, это на нее совсем не похоже.

Я ведь знаю, что она со мной не за деньги была.

Единственные в моей жизни честные отношения.

Она даже не манипулировала мной ни разу за все время нашего брака. Не пыталась при помощи истерики получить кольцо, серьги или машину. Не требовала практически ничего. Ей было просто кайфово со мной жить.

И мне.

Я в первые месяцы охреневал от одной мысли, что такое может быть. Искал двойное дно, проверял ее всячески, изучал под микроскопом, просеивал ее жизнь через сито.

А она какая была наивняха, такая и осталась, даже спустя три года брака.

Так что дело не в деньгах. Но в чем тогда?

— Сыночек! — Слышу крик матери с порога, и меня передергивает.

Вот он — манипулятор восьмидесятого уровня.

Мать, едрить ее за ногу.

Прячу телефон в карман пиджака и выхожу. Тут же подмечаю, что во дворе, кроме машины отца, стоит чей-то вычурный бентли.

— Кто у нас в гостях? — спрашиваю с недовольной миной, кивая в сторону черного автомобиля.

— Считай, это мое последнее, предсмертное желание...
— Мать сводит руки в молитвенном жесте.

Одной этой фразой она выхлестывает меня до такой степени, что хочется забраться обратно в тачку, выжать педаль газа и на полном ходу врезаться в стену.

Мать тем временем продолжает:

— Всего один ужин, от тебя ничего не потребуется, лишь присутствие и хорошее настроение...

С хорошим настроением напряг. Она шутит, что ли, предлагая такое? Не в курсе, что у меня сегодня был развод?

— Я не настроен общаться с гостями, — отрезаю строго.

И тут начина-а-ается...

— Но как же так? — Мать картинно закатывает глаза. — Как ты можешь быть таким эгоистом, что не можешь уделить время таким важным людям. Это будущие партнеры отца, неужели ты не хочешь его поддержать?

— Какие такие партнеры, о которых я не знаю? — резко спрашиваю у нее. — Я, вообще-то, его зам и в курсе всех дел, которые ведет отец.

Хотя бы потому, что он давно скинул на меня львиную долю своих обязанностей.

— Ни про каких партнеров отец мне не говорил. — Я подхожу к матери вплотную и строго на нее смотрю.

— Я не так выразилась, — лепечет мать, тут же меняясь в лице. — У нас в гостях очень хорошие друзья, Абеяны, и я уже нахвалилась им про тебя, что ты с нами поужинаешь.

Не так выразилась она, ага. Просто хотела всеми возможными способами загнать меня на ужин, вот и все. Как обычно, использовала любой способ давления, какой пришел на ум.

— А, те самые Абеяны. — Я шумно вздыхаю.

Вспоминаю рассказы матери про подругу, муж которой

владеет клиникой.

Прошу с мрачным видом:

— Извинись перед ними, я не в настроении ужинать...

Мать не успокаивается, прет напролом:

— Арнак, мальчик мой, неужели тебе нисколько не жаль мать. Неужели не хочется сделать мне приятное? Я ведь не много прошу. Может быть, последние дни жизни доживаю...

Слушаю весь этот бред сумасшедшей и внутренне закипаю.

Я должен что-то со всем этим сделать.

Как только получу деньги от сделки, в тот же день съеду отсюда к чертям собачьим, приобрету себе жилье.

Мать невыносима...

И если раньше я хоть как-то воспринимал эти ее дешевые манипуляции, то теперь меня натурально от них клинит.

Пожив с Ритой, я понял, какой может быть нормальная семья, где тебе никто не садится на шею. Тебя не заставляют всеми способами делать так, как хотят другие. Тебя не выставляют виноватым, когда ты не хочешь плясать под чужую дудку. Никто не проезжается по твоему чувству долга и так далее и по тому же месту.

Мать — это какой-то звездац...

Тем самым вечером на день рождения Риты, пока я вез мать домой, она вынесла мне весь мозг анализами жены, невозможностью иметь детей и прочим. И когда я послал ее подальше, она устроила дома форменный спектакль с изме-

рением давления, лекарствами. Я уехал домой, взведенный до крайности, решил жене ничего не говорить.

А в четыре утра отец отправил мне сообщение, что мать забрала скорая с инфарктом.

Тогда-то меня и сожрало чувство вины.

Я ж как debil повелся...

Звонить начал, пока Рита спала, переживал как ненормальный.

А она мне слабеньким голоском: «Умру и внуков не понянчу...»

И отец припечатал вдобавок: «Сжался над матерью, не укорачивай ей жизнь, потом себя не простишь!»

Я уж потом понял, что это было шоу. Слишком быстро мать вернулась домой, начала вести прежний образ жизни, скакала с первого на второй этаж, как молодая коза.

Да поздно.

Наш с Ритой брак уже разрушен одной сраной запиской, написанной на эмоциях. Одним подлым поступком, который перечеркнул все.

Я не знаю, как отец живет с матерью... Впрочем, в молодости каждый раз, когда он хотел от нее уйти, она попросту рожала ему по ребенку, так у меня появились два брата. А затем он, видимо, смирился. Сейчас ему и подавно плевать на все, кроме приумножения семейного капитала.

А мать, после того как так правдоподобно сыграла умирающую от инфаркта в больнице, теперь день через день ис-

пользует скорую смерть как повод заставить меня поступать так, как ей хочется.

Она всегда находит способ надавить на меня. Словно чувствует, за какой крючок зацепить.

Я ненавижу ее, хоть и понимаю, что это грех.

Знаю, должен уважать своих родителей. Должен почитать, заботиться, радовать.

Эта простая истина прочно вбита в меня ремнем в детстве. Бабушка с дедушкой вбили, родители моей матери. Ублюдочные садисты, которые лупили ее все детство и юность, пока она не вышла замуж за отца. Только это вызывает у меня жалость к родительнице. Больше ничего к ней не испытываю, как ни стараюсь.

— Ну сыночек. — Мать заламывает руки. — Ну дорогой мой...

— Один час. — Я иду на компромисс. — Я проведу с гостями ровно шестьдесят минут, а после этого ты больше ко мне не пристаешь.

— Хорошо. — Она мгновенно расцветает улыбкой.

Хватает меня за руку и заводит в дом.

Сразу же провожает в гостиную, где уже собралась вся семья.

Отец, брат с женой и Абеляны... С дочкой.

Как только вижу, с какими эмоциями они меня встречают, сразу понимаю — мне устроили смотрины.

— Сынок! — Отец несется ко мне, пересекая комнату. —

Наконец ты пришел, мы уже заждались...

Говорят, я — его молодая копия, но вот смотрю в его холодные черные глаза и не понимаю, чем же мы так похожи?

Сцепив зубы, я подхожу к гостям, знакомлюсь, пожимаю руку Ваграма Арамаздовича Абеляна, поражаясь тому, как человек с таким количеством лишнего веса может управлять медицинским учреждением. Уж занялся бы собой, раз имеет все возможности.

На дочку Абелянов едва смотрю, хотя мне ее сразу представляют:

— Наша Егине, красавица, умница...

— А пойдемте ужинать, — мама сразу зовет всех к столу.

Стол накрыли в столовой, да такой, как будто тут свадьба, а не простой ужин с друзьями, как родители это позиционировали вначале.

Следующие шестьдесят минут я изображаю вежливость.

У меня давно, можно сказать с самого детства, припасено несколько масок, которые периодически меняю на лице, чтобы скрыть истинные чувства. Так гораздо проще жить в нашей долбанутой семейке.

Я что-то отвечаю, что-то пихаю в рот, чтобы не выглядеть белой вороной, хотя вкуса блюд почти не чувствую.

А потом вдруг ощущаю вибрацию мобильного в кармане пиджака.

Достаю телефон и не верю своим глазам.

Мне звонит Рита!

Я так охреневаю, что забываю обо всем.

О гостях, о родителях, о том, что я, вообще-то, за столом.

Сразу беру трубку, а оттуда льется безразличный мужской бас:

— Это врач скорой помощи. Вашу жену сбила машина, мы увозим ее в больницу, приезжайте.

Эта информация крушит мой мир в прах.

Глава 12. Почти мертвые

Арнак

Я встаю настолько резко, что стул с громким стуком падает назад.

Все сразу смотрят на меня во все глаза.

— Сын, что случилось? — спрашивает отец.

А у меня где-то в горле защемило, закоротило. Только и могу, что издать хриплое мычание:

— Р-р-рита, машина, больница...

Вроде и разные существительные, но в моем случае звездеч какие связанные.

— Что случилось с Ритой? — Между бровей у отца прорезается глубокая морщина.

— Мне надо ехать!

С этими словами я отпихиваю ногой стул, собираюсь уйти.

Но не тут-то было, в уши врзается резкий возглас матери:

— Ты куда собрался? Какая Рита?! У тебя сегодня был развод!

Опа, значит про развод она все-таки помнит, просто ей плевать на то, что у меня в душе.

Гости недоуменно смотрят на мать. Видимо, не ожидали от нее такого выпада. Но ее ничего не смущает, она вскаки-

вает с места и продолжает яростно возмущаться:

— Если Рите нужна помощь, пусть едет ее мать, зачем ты собрался?

У меня от ее высказывания аж волосы на затылке зашевелились.

— Ничего, что у нее мать в Испании? — тихо закипаю.

— Ничего! — визжит она, а потом резко оббегает стол и становится у меня на пути. — Не пущу к этой пигалице!

В моей голове снова что-то коротит, а потом и вовсе перегорает. Только в этот раз повреждения не в речевом спектре.

Я никогда не бил женщин, с детства воспитан уважать тех, кто слабее. Но видит бог, сейчас мне хочется врезать собственной матери.

Конечно же, я не бью, однако резко отодвигаю ее в сторону и выхожу.

Не трачу силы на объяснения, тем более что это бесполезно в ее случае.

Следующие полчаса моей жизни проходят, как в тумане.

Я никогда не водил машину настолько быстро и агрессивно, как сейчас. Давлю на газ, игнорирую скоростные лимиты, все что угодно, лишь бы быстрее добраться до Риты.

Пока еду, меня колотит, в мозгу рисуются самые страшные картины.

Но окончательно меня накрывает, когда попадаю в больницу.

Меня не пускают к Рите, ее отправили на МРТ, проверя-

ют.

И пока ее нет, я общаюсь с заведующим отделения, который, на счастье, все еще на работе. Выбиваю ей одноместную палату, обеспечиваю лучший уход.

Потом несу вахту возле палаты, куда ее должны будут перевести.

Сажу в коридоре на коричневой банкетке и схожу с ума от беспокойства.

Мимо ходят люди, но я их не замечаю.

Краем уха слышу скрип коляски, но не ассоциирую этот звук ни с чем. Все же оборачиваюсь в сторону лифта и обалдеваю от увиденного...

На коляске везут Риту, точнее то, что от нее осталось.

Ее переодели в какую-то белую ночную рубашку, но пугает не это. Пугает сам факт, что она в коляске, бледная как смерть. А еще у нее синяк вокруг левого глаза и здоровенный пластырь на левом виске.

И то, как она сидит...

Будто это ей доставляет дикий дискомфорт.

Когда мне сказали, что отправили ее на МРТ, я думал, она пошла туда своим ходом! А она в коляске сидит с трудом.

У меня внутри все переворачивается от резкой боли за нее.

Я подскакиваю и спешу навстречу. Преодолеваю расстояние между нами в два прыжка и задыхаюсь от переизбытка эмоций.

— Рита, девочка моя, как же так...

К нам подходит ее лечащий врач, лысый дядька в очках.

— Везите ее в палату, — командует он.

Я отстраняю медсестру от коляски, сам аккуратнейшим образом завожу Риту в палату.

— Арнак, помоги, — просит она.

Пытается привстать с коляски и кривится от боли.

— Нога...

Я спешу помочь, подхватываю ее рукой за спину.

А она еще больше кривится и охает:

— Спина!

Есть у нее место, где не болит?!

— Осторожно, — шепчу, подхватив ее на руки.

Максимально аккуратно укладываю на кровать.

— Что с ногой? Что со спиной? А главное, с головой-то у тебя что? — Меня уже буквально лихорадит от недостатка данных и переизбытка волнений.

— Все не так плохо, — отвечает за нее лечащий врач.

— В смысле — не так плохо? — Я не знаю, зачем на него ору. — У нее синяк на пол-лица, она встать нормально не может, а вы говорите — не так плохо...

Врач игнорирует мой эмоциональный возглас поясняет:

— У Маргариты растяжение лодыжки, сильный ушиб плеча, синяки, ссадины и сотрясение. Наблюдалась краткосрочная потеря сознания, когда ее забирала скорая, но, к счастью, это не повторилось. Кости целые, и в нашем случае это

уже много. Мягкие ткани заживут, последствия сотрясения пройдут за несколько недель. Нет ничего необратимого, могло быть гораздо хуже, уж поверьте...

— Необратимого нет, — повторяю, как заторможенный.

— Все, что ей нужно, — это отдых и внимательное наблюдение специалистов, — кивает врач.

— Спасибо, — я цежу это слово благодарности так, чтобы стало кристально ясно, насколько меня бесит спокойствие этого типа.

— Я сегодня дежурный, если что сразу звоните.

На этом он прощается.

А я подсаживаюсь к Рите поближе.

— Арнак! — болезненно стонет она и кривит лицо.

В уголках ее глаз мгновенно проступают слезы.

— Как так вышло? — спрашиваю ее.

Естественно, я не удовлетворился рассказом Риты.

Все, что удалось выдавить из жены, — это невнятные объяснения о том, что ее сбили. А как, чего, почему — не пойму... И все в таком духе.

Только и смогла, что от души порыдать при мне, чем буквально вывернула душу наизнанку.

Но я решил так это дело не оставлять.

Врач сказал, что полиция уже опросила Риту, хотя лично

мне непонятно, почему они это делали, когда она в таком состоянии. Жена двух слов связать не может! Не то что внятно объяснить историю происшествя.

Очень скоро я выяснил, какой следователь занимается этим делом. Выдернул его из кровати.

Действительно, отчего бы человеку спокойно не спать ночью, когда мою жену посреди бела дня сбивает какой-то выхоль. Зачем заниматься этим делом? Не дай бог, пытаться раскрыть его по горячим следам...

Убил бы суку, честное слово.

Как это ни мерзко, пришлось хорошенько его зарядить через знакомых, чтобы у него появилось больше рвения расследовать это дело.

Теперь сижу в его кабинете, в полиции, смотрю кошмарное видео того, как все случилось...

Перекресток еще такой жуткий, в радиусе сотни метров ни одной камеры, ни одного магазина, как специально.

Откуда у следователя все-таки появилось видео?

Чистый фарт.

На обочине чуть поодаль была припаркована машина с работающим видеорегистратором. Он-то и заснял все происходящее, правда не с самого лучшего ракурса, поскольку номер желтого спорткара так и не удалось вычленить. Поэтому владелец до сих пор остается неизвестен. Но это ненадолго.

Нажимаю на воспроизведение, и у меня шевелятся на затылке волосы, когда вижу, как Рита идет по тротуару у пере-

крестка, а на нее летит чертов спорткар. Девчонка отбегает в сторону, но ей не удастся увернуться, машина пихает ее. Рита падает вбок и со всей дури припечатывается головой о тротуарную плитку.

Однако ж ее чудом не переехали! Не сделай она этих нескольких шагов в сторону, ее б смяло капотом!

Но если бы она смотрела по сторонам, то непременно заметила бы машину раньше и тогда отбежала бы на достаточное расстояние и спаслась.

Но Рита не смотрела по сторонам, когда шла.

Ее взгляд был прикован к экрану мобильного. Вообще удивительно, как она заметила летящую на нее машину.

Сколько раз говорил — когда ты идешь по улице, будь внимательна! Никаких наушников, никаких эсэмэсок и прочего. Мало ли какие на дороге водители?

Появляется дикое желание надавать Рите по заднице за подобную беспечность.

Вот как ее после этого одну оставлять?

Прокручиваю видео снова и снова. Не могу понять, водитель был пьян и вылетел на тротуар? Или это вправду покушение на Риту?

Смотрю видео третий раз, и четвертый, и пятый. Каждый раз сердце екает, когда вижу, как Рита падает. Каждый грёбаный раз почти умираю, прямо как она в тот момент.

— Я хочу знать, что это за гнида ее сбила! — рычу, зыркнув на следователя. — Он должен ответить по всей строго-

сти. Я его распну!

Ухожу с трещащей от жуткой боли головой. Еще бы ей не трещать, ведь столько пришлось перенервничать.

Надо бы домой — в душ и поспать. Но домой не тянет от слова совсем.

И я возвращаюсь в больницу.

Кое-как преодолеваю протесты дежурной медсестры, которая ни в какую не хочет пускать меня.

Все-таки прохожу, напяливаю одноразовый халат, бахилы, которые она обязывает меня надеть.

Тихо и осторожно проскальзываю в палату Риты.

Тут темно, единственный источник света — луна, чей свет скромно пробирается сквозь не зашторенное окно. Нос щекочет запах медикаментов, также немного тянет хлоркой из санузла, куда приоткрыта дверь. Я бы проветрил, но боюсь разбудить.

Устраиваюсь в кресле рядом и пялюсь на силуэт, спрятанный под одеялом.

С удовольствием вслушиваюсь в тихое дыхание жены.

Слово «бывшая» в предложение не вмещается.

Не могу усидеть на месте. Встаю, подхожу к ее кровати. Тихо опускаюсь перед ней на колени, кладу руки на кровать, а голову аккуратно устраиваю на подушку рядом с лицом Риты.

Балдею от того, что она рядом, что дышит.

Я не знаю, как бы жил, если бы ее не стало.

Глава 13. Ретроградный меркурий

Арнак

Этой ночью я почти не спал.

Провел несколько часов рядом с Ритой, затем пересел в кресло. Проснулся с утра пораньше из-за неудобной позы и затекшей шеи, потом глазел на спящую жену.

Умылся прямо в больничном туалете, купил в аптеке зубную щетку с пастой, хоть чуть привел себя в порядок.

Можно было, конечно, поехать домой.

Вот только я хотел поговорить с Ритой обо всем, прежде чем уезжать. Вчера нормально пообщаться не удалось, поскольку она была не в состоянии, а я слишком злой на ситуацию. Но сегодня — надо.

Мне много что есть ей сказать.

Например, что она всегда может ко мне обратиться, что я по-прежнему рядом, хоть и не в качестве мужа. Пусть другом буду, а что? Многие дружат после разводов. Не такая уж плохая идея. Хотя мне, конечно, будет больно видеть ее и не быть с ней.

Еще хочу попытаться объяснить, почему я так поступил с той запиской про развод...

Стыдно звездеч, но пора объясниться.

Я нахожу неподалеку от больницы приличное кафе, зака-

зываю завтрак на вынос, кофе. Все, что Рита любит. С этим набором спешу обратно.

Утром меня уже пускают в ее палату без проблем.

Надо же, я успеваю как раз к завтраку...

Рита сидит за крохотным столиком, который находится тут же в палате. Перед ней жуткая на вид молочная каша, кусок хлеба, а рядом квадратик масла и ломтик сыра. Еще вареное яйцо, неочищенное. И конечно же, граненый стакан с коричневой жидкостью, напоминающей по виду слабый чай, куда ж без него. Все это вряд ли напоминает съедобный завтрак.

— Привет! — Она определенно рада меня видеть.

Ее улыбка такая искренняя, что чуть не сбивает с ног. Даже фонаря у ее глаза не замечаю, акцентирую внимание на губах.

Я так скучал по этой ее улыбке! Таю. Меня плющит...

Как я ей сейчас буду объяснять про мать, мнимый инфаркт, собственную трусость... Но как-то надо.

— Риточка, родная, — вырывается из глубины души. — Я тебе завтрак принес.

С этими словами убираю подальше больничный набор вкусняшек. Ставлю перед ней большой пластиковый стакан, оглашаю меню:

— Кофе без кофеина, а то мало ли что, вдруг тебе нельзя кофеин. Сделано на твоём любимом банановом молоке. Вот еще омлет с семгой и творожным сыром. Нежнятина! Блин-

чики с шоколадом. Ешь, солнце.

Раскладываю это все перед ней, открываю крышку на кофейном стаканчике, и палату заполняет аромат кофе.

Нахожу под столом табуретку, вытаскиваю и сажусь. Внимательно смотрю на Риту. А она снова сбивает мне дыхание улыбкой. Прямо лучится!

Пробует кофе, благодарит меня:

— Очень вкусно, ты такой у меня хороший, заботливый...

Не удерживаюсь, тяну к ней руку, нежно поглаживаю пальцами здоровую щеку.

А она вдруг хватает меня за руку и легонько трется о пальцы. Ластится, как кошка.

Она так раньше часто делала. Такой привычный поступок, очень интимный и абсолютно не вяжущийся с нашей с ней ситуацией.

Развелись же вчера.

Сажу на табуретке рядом с ней, туплю, как последний олень, и даже не нахожусь, что сказать.

А может...

Догадка прошивает меня, даря искру надежды.

Может, Рита меня уже простила? Ну по факту моего приезда в больницу, заботы о ней. Я ж старался, палату платную ей обеспечил, лечение, следователя напряг, чтобы разобрался с ее делом. Поучаствовал, короче.

К тому же люди, побывавшие на краю жизни и смерти, многое переосмысливают, так сказать отделяют зерна от пле-

вел.

Вдруг Рита уже все для себя решила?

Может, и не обязательно мне сейчас перед ней все вываливать про мать и прочее. Объяснять, почему вместо человеческого разговора тогда записку ей оставил...

Раньше мне не приходилось перед ней извиняться, что-то там объяснять. Она умная девочка, всегда сама находила компромиссы или причины, почему нам не нужно ссориться.

Разумеется, у нас с ней не было особых разладов, которые требовали каких-то серьезных извинений. Я не косячил, она так тем более. Не было ни измен, ничего подобного.

— Ритуль, — бросаю пробный шар. — У нас как с тобой? Мир?

— Конечно. — Она улыбается мне еще ярче, чем раньше. — А как же еще?

Действительно, как же еще. После развода-то. Прямо ничего другого на ум не приходит.

И тут я замечаю, как она достает из небольшого выреза больничной ночнушки цепочку. А на цепочке кулон в форме сердца, тот самый, с сапфирами.

Такая демонстрация моего прощального подарка сбивает с толку.

— Мне очень нравится, — говорит она и продолжает шкодно улыбаться. — Это ты на меня ночью надел? Пока я спала? Так обидно, что я загремела в больницу на день рождения! Прости меня, что не сможем нормально отметить. Но

подарок очень красивый.

Тут до меня наконец доходит, что с Ритой что-то конкретно не так...

— Рита, зайка, — обращаюсь к ней нежно. — Какой, по-твоему, сегодня день?

— Второе июня, — говорит она и удивленно на меня смотрит. — А разве нет? Мой день рождения...

— Солнышко, — говорю вкрадчиво и осторожно. — Сегодня седьмое июля.

— Что? — Она резко вдыхает и, кажется, давится воздухом. — Н-н-не... Нет. Не может быть!

А потом в ее глазах появляются слезы. Она отодвигает от себя еду, которая еще минуту назад вызывала в ней аппетит.

— Арнак... — Она жалобно на меня смотрит.

— Ты только не волнуйся, — говорю я еще ласковее. — Я сейчас все улажу. Сейчас врача позовем. Все будет хорошо...

Но несмотря на мой крайне нежный тон, Рита пугается еще больше.

Она зажимает рот ладонью и шумно всхлипывает.

Не могу больше терпеть пытку ее слезами. Только не это!

— Сейчас, милая. — Я вскакиваю с табуретки. — Сейчас все будет хорошо!

Сам не знаю, зачем ей это обещаю, и пулей вылетаю из палаты. Спешу на поиски врача.

Через два часа после того, как доктор еще раз внимательно осматривает Риту, потом вызывает невролога, психиатра, меня приглашают в его кабинет.

У нас случается разговор тет-а-тет.

И опять эта долбаная фраза, с которой начинает этот лысый умник в круглых очках:

— Все не так плохо.

Заклинило его на этих словах, что ли?

Сижу напротив и с трудом сдерживаюсь, чтобы не выругаться матом.

Врач тем временем поправляет очки на своем орлином носу и продолжает:

— У Маргариты яркий случай ретроградной амнезии, это когда потеря памяти происходит из-за травмы головы. Поскольку она почти все помнит, мы и не сообразили сразу, что потеря памяти имеет место.

Надо же, не сообразили они.

— Вы ж ее осматривали, — желчно тяну. — Вы ж ей МРТ делали... Как же так не сообразили?

Врач постукивает подушечками пальцев по столу, спешит оправдаться:

— Мы действительно определили, что у нее ушиб головного мозга, чем и вызвано сотрясение. Но доподлинно сказать, все ли в порядке у человека с памятью... Однако у меня хорошие новости: она забыла всего лишь несколько послед-

них недель. В остальном с вашей женой все отлично. Память со временем восстановится, ей просто нужно дать время...

— Время, ага... — злобно хмыкаю я. — Сколько времени?

— Видите ли, все индивидуально, — пожимает плечами врач. — Иногда это несколько дней или недель, а иногда...

— Что вы замолчали, доктор? Договаривайте.

— В редких случаях на это уходят месяцы или дольше... Месяцы.

Или дольше.

Годы?

Резко становится понятно, отчего это Рита была со мной такая милая. Ластилась ко мне, благодарила за еду.

Только вот если б не ретроградная амнезия, она, похоже, тот пакет с едой мне на голову надела бы.

Однако, кое-что не складывается в этой истории в единую картину. И очень сильно.

Рита носит подаренный мной кулон.

Она надела его, скорее всего, вчера утром, когда шла разводиться. Мой подарок на развод. Почему? Он ей важен? Я до сих пор был ей важен? Даже до амнезии? Хотел бы я знать правду.

— И что мне сейчас делать? — задаю доктору самый злободневный вопрос. — Как мне теперь с ней общаться и так далее...

Представляю, как Рита взбесится, если я вернусь к ней в

палату и расскажу про наш развод. Какую истерику закатит. Обвинит меня во всех смертных грехах.

Неужели мне все заново переживать? Кроме того, что важнее, — как она переживет новые потрясения? Мне больно даже думать об этом. Она ведь любит меня!

Если она не помнит нашего расставания, ей ведь придется его заново пережить.

Я не хочу так ее травмировать!

— Право слово, вы утрируете. — Доктор смотрит на меня исподлобья. — Общайтесь, как общались раньше. Ну забыл человек несколько недель жизни, эо горе. В конце концов, что такого могло случиться за последние недели? Потихоньку введите ее в курс дела, и все.

Ага, что такого могло случиться, в самом деле...

— Мы с Ритой за этот месяц развелись, — сообщаю я замогильным голосом.

Тут-то до врача и доходит, насколько неуместна эта его фраза: «Все не так плохо».

Глава 14. Как он поступил с Ритой

Арнак

Я иду по коридору больницы в направлении палаты Риты и ругаюсь со следователем по телефону:

— Вы издеваетесь надо мной? Прошло три дня. Три гребаных дня, а вы до сих пор не выяснили, кто владелец желтого спорткара?

Следователь, как обычно, мурыжится, пытается оправдаться:

— Я проверил все близлежащие камеры. При супермаркетах, дорожные камеры. Ни на одной из них спорткара не было.

— Как это не было? — буквально рычу в трубку я. — Он же не мог возникнуть из воздуха, сбить мою жену, а потом опять так же нырнуть в воздух? Он должен был где-то проявиться. Это не какая-то там киа или лада-веста белого цвета. Это желтый спорткар! Заметная машина.

— Наши сотрудники все еще просматривают изображения с камер, но на данный момент очевидно, что машина каким-то образом... Исчезла. Буду называть вещи своими именами.

— Ага, пришельцы забрали! — Я злюсь еще больше. — Нет ли с того перекрестка какой-то скрытой дороги, на ко-

торой не было бы камер?

— Нет, — докладывает следователь. — Мы все проверили, на каждом из маршрутов хоть где-то, но присутствует камера в радиусе километра-двух. Но мы все еще просматриваем видео, может где-то проглядели и...

— Работайте! — На этом я вешаю трубку.

Останавливаюсь и упираюсь спиной в стену. Тру пальцами переносицу, пару минут пытаюсь отдышаться и прийти в себя. При этом стараюсь убрать с лица недовольное выражение. Потому что не хочу, чтобы Риточка нервничала.

Я ведь так ей ничего и не сказал.

Не потому, что было неприятно признаваться или еще что.

Врач убедил, что сейчас для нее будет лучше незнание. Потому что правда — удар по психике, а в ее состоянии этого не нужно. Это может привести к самым разным последствиям. Вот когда полностью оправится...

Так что у нас с ней сейчас что-то вроде каникул от расставаний, разводов и прочего дерьмища, которым стала полна наша жизнь.

Я отгородил ее от всего на время.

Забрал ее телефон под девизом: «Милая, не нужно, чтобы тебя беспокоили. Вот тебе мой планшет, тут и фильмы смотреть удобнее, и мне писать. А маме твоей давай пока не будем сообщать. Зачем ей попусту волноваться в своей Испании? Лучше ей не звони пока, у тебя такой синяк, она сразу

все поймет. А с работой я сам договорился, не волнуйся».

Рита все «съела», потому что привыкла доверять мне на сто процентов.

Оно правильно, потому что, так уж сложилось, что я единственный человек, кто может о ней позаботиться. И я забочусь так хорошо, как могу.

Едва захожу в палату, застаю тут доктора.

— Здравствуйте. — Он поправляет очки на носу.

Рита лучится улыбкой:

— Арнак, врач сказал, меня могут выписать уже сегодня.

— Да, да, можете забирать, — подтверждает врач и спешит убраться из палаты.

Вот же гад... Сбросил на мою голову бомбу и бежать!

А Рита подхватывает тему, да еще как:

— Я так хочу домой, забери меня, пожалуйста!

И одной лишь этой просьбой режет меня без ножа.

Как я ее заберу домой? Там же нет ее вещей! И моих вещей нет...

Да там за месяц наверняка пыли три слоя на каждом предмете мебели. Я понятия не имею, прибирали ли там вообще.

Рита увидит грязь и сразу поймет, что что-то не так.

Я не был дома все это время по понятным причинам — ведь оставил его жене.

А с другой стороны...

Как приятно снова произносить слово дом. И пусть это по факту будет только до того времени, пока Рита не придет в

себя, но все же это будет!

Недели, может быть месяцы...

Я буду заботиться о ней ровно столько, сколько будет нужно.

Я должен ей это.

— Милая, домой сейчас никак не получится, — качаю головой с наигранной серьезностью. — Мне ведь нужно привести его в порядок, прежде чем пускать тебя туда.

— А что не так с домом? — Она кривит губы. — Брось, я видела любой твой бардак, это меня не волнует. А что, Лусине уволилась? Больше не работает?

— Она эм-м... В отпуске. Лусине в отпуске, так что я сам... В общем, туда нельзя заходить, но я до вечера все поправлю.

— Я помогу тебе, — уверенно заявляет Рита. — Уже хорошо себя чувствую.

Женщины... Хранительницы домашнего очага... Хрен их удержишь подальше от дома.

— Ритуль, не порти сюрприз. — Смотрю на нее с осуждением.

И это действует.

— Ты готовишь мне сюрприз? — Она явно радуется. — Это из-за моего дня рождения?

— Да, конечно, — киваю я.

Осталось придумать, какой.

— Я заберу тебя в семь вечера, дорогая, — обещаю ей.

А сам думаю, успею ли со всем до вечера?

Ключи из сумки Риты я уже забрал, надо съездить к ней на квартиру, собрать ее вещи, перевезти. Но сначала к родителям за моими вещами и перевезти их обратно домой.

Скорей бы уже...

Боже, я не думал, что так соскучился по собственному дому! Точнее, по своей прошлой жизни.

Глава 15. Дом, милый дом

Арнак

День у меня сегодня, конечно, адский...

Предстоят три остановки.

Квартира Риты, родительский дом, потом наш дом.

Открываю дверь квартиры Риты, вдыхаю затхлый воздух и громко присвистываю.

Не из-за качества воздуха в закрытом помещении, нет.

Тут есть поводы посерьезней.

Послал мне бог упрямейшее в мире создание. У Риты прямо-таки ослиное упрямство, не иначе. Если что решила, с места не сдвинешь, пусть даже давно сама поняла, как сильно неправа.

На кой...

Вот на кой хрен она переехала в эту квартиру?! Тут же ужас!

Прохожу по хрущевской двушке с нажатой на паузу драмой под названием «Ремонт» и диву даюсь — как так можно? Как она вообще могла тут жить? Здесь же даже нет ванной! Как она купалась? В раковине, что ли?

Пол покрыт дешевым линолеумом, стены даже не обклеены обоями, а кухонный гарнитур — я вообще молчу!

Апофеоз всего — надувной матрас, аккуратно застелен-

ный коричневым клетчатым пледом.

Мне хочется выругаться матом.

Дважды.

Как она могла променять наш дом вот на это?

Чего ей там не жилось?

Я же позаботился о ней, чтобы нормально жила, а она вместе этого в клоповник...

Теперь четко понимаю фразу: «Назло кондуктору пойду пешком».

С шумом выдыхаю.

Достаю чемодан и пихаю туда все, что вижу. Косметику Риты, одежду из шкафа, прохожусь по полочке в ванной, точнее не полочке — а дешевой пластмассовой хрени белого цвета, на которой выставлены так обожаемые баночки моей жены.

Надеюсь, я сумею все это расставить дома так, чтобы было незаметно, что это делал я. В крайнем случае поможет Лу-сине.

Вскользь отмечаю, что в квартире находятся далеко не все вещи Риты. Их тут даже не половина — только летний гардероб и то не весь. Я самолично обустроивал ей дома гардеробную, где целую стену занимали ее туфли-сумочки. Я сам ей эти туфли-сумочки покупал, точнее заказывал по ее выбору. Это все где?

Или мисс Ослиное Упрямство решила не носить моих подарков? Пользоваться только тем, что купила сама? Ишь ты,

какие мы гордые!

Ладно...

Мне сейчас не до расчленения причинно-следственных связей поступков Риты.

Тщательно запираю квартиру, отношу вещи в машину, за-
пихиваю в багажник. Следующая остановка — дом родите-
лей.

Паркую машину во дворе родительского особняка.

Спешу внутрь.

И уже в прихожей наталкиваюсь на внушительную фигуру
матери.

— Сыночек, родненький, где ты все пропадаешь, мне
очень нужно с тобой поговорить. Ты так некрасиво тогда
ушел с ужина...

Игнорирую ее стенания.

— Мам, а где Лусине? Я вроде видел ее в доме. Она теперь
работает здесь?

— Конечно, да, — кивает она. — Вернулась к своим обя-
занностям домработницы. А что такое?

— Найди себе новую помощницу, — сразу выдаю прось-
бу. — Лусине поедет со мной. Они неплохо ладили с Ритой,
думаю поладят снова. Риту выписывают, и она возвращается
домой, там нужна срочная уборка.

— Ты что, прикалываешься? — Мать смотрит на меня вы-
пученными глазами. — Какая уборка? Что значит — Рита
возвращается? А ты-то куда собрался? Ты!

Когда я сюда ехал, понимал — как только она узнает, что я задумал, вцепится мне в горло бульдожьей хваткой, да так, что не раздвинешь челюсти даже стамеской.

Вот только я так душевно задолбался ее слушать, что не даю ей такой возможности.

— Мама, Рите нужно прийти в себя после несчастного случая, и я обязан обеспечить ей максимальный комфорт. Мы с ней проживем какое-то время в нашем доме. И я не хочу слышать твоего мнения по этому поводу. Оно мне безразлично!

— Подожди... Так ты прямо сейчас домой собрался?

— Нет, — качаю головой. — Сначала вещи собираю.

Мои слова действуют на нее, будто звонок в театре, — тот самый, что знаменует начало пьесы.

— Ах, мне, кажется, плохо...

Она картинно типа бледнеет и начинает махать себе кистью руки, якобы спасаясь от резкой дурноты.

Но... Мы все это уже проходили.

— Мам, до свидания! — Я разворачиваюсь и ухожу.

Со скоростью звука поднимаюсь на второй этаж в свою спальню, не забывая запереть за собой дверь.

Тут я действую так же быстро, как и в квартире Риты. Без всякого разбора скидываю свои вещи в чемоданы. Что не заберу сегодня, мне пришлют.

Просто беру и сметаю все что есть с полок. При этом не стараюсь быть аккуратным.

Мать, конечно же, не сидит на попе ровно и не позволяет мне нормально собраться.

Она стучит в дверь, выкрикивает из коридора всякую чушь:

— Ну и что, что ее сбила машина. Вы же развелись! Развелись!

Но по крайней мере она не собирается там опять умирать, что уже радует.

Однако стоит мне открыть дверь, как она накидывается на меня, пытаюсь отобрать чемодан.

Я ей кто? Одиннадцатилетка, что ли? Я взрослый тридцатилетний мужик.

Максимально осторожно, но твердо отодвигаю ее в сторону.

Грозно смотрю:

— Ты сделала достаточно в моем браке. Больше я тебе не позволю!

Не знаю, что действует на нее в результате.

Мой грозный взгляд, голос или понимание, что она и без того перешла все грани. Но она отходит от меня. Смотрит с обидой, но молчит, и в нашей ситуации это уже золото.

Я подхватываю чемоданы и спускаюсь вниз.

Уже в машине пытаюсь дозвониться до Лусине, но у меня не выходит, она остается недоступной.

Плюю на это дело и завожу машину, трогаюсь в путь.

В конце концов, Лусине не единственная домработница

на весь Краснодар, просто позвоню в клининг, и дело с концом.

Я подъезжаю к нашему с Ритой дому к двум часам дня.

В принципе, тайминг неплохой, у меня есть еще пять часов на уборку и раскладку вещей — чтобы казалось, будто бы мы с Ритой отсюда и не уезжали.

Клининг уже в пути.

Однако когда я забираюсь в дом с двумя чемоданами вещей, очень скоро понимаю, что большую часть из них мне попросту некуда будет сложить.

Ведь в доме почти не осталось мебели...

— Что происходит?

Я бросаю чемоданы в гостиной, прохаживаюсь по дому. Морщусь от гулкого звука собственных шагов и не знаю, что делать.

Наш с Ритой дом будто выпотрошили.

Выдрали с корнем все, чем он был заполнен. При этом не заботясь о сохранности отделки. Тут и там царапины на стенах, в дверных проемах. Паркет и тот не пощадили — в некоторых местах он испорчен.

В доме ни одного дивана, ни одной вшивой табуретки.

В кухне пусто.

В спальне пусто.

Даже кровати и той нет!

Первое что логически приходит на ум — Рита собрала вещи, мебель и уехала.

Но опять же не вяжется. Если бы она что-то там забирала, это что-то было бы в ее квартире. Хотя бы часть! Телевизор например, кресло, кровать, хоть что-то... Но там нищенская беднота.

Прохожусь по дому второй раз и неожиданно натываюсь взглядом на голые провода, торчащие из потолка в гостиной, в том месте, где раньше висела люстра.

Дорогая венецианская люстра, которую я привез Рите в подарок.

Ее просто выдрали!

Это окончательно убеждает меня в том, что орудовала тут не моя бывшая жена. Даже реши Рита что-то забрать, неужели вывозила бы вещи так грубо и неосторожно? Не побрезговала бы ничем?

Нет.

Рита никогда подобного не устроила бы. Потому что начинка дома — ее душа. Она тут все подбирала вместе со мной, каждый предмет мебели, каждую тарелку, каждую картину...

Чтобы так вандально разграбить дом, к нему нужно ровным счетом ничего не испытывать, никаких сантиментов. Это не про мою жену, я слишком хорошо ее знаю, чтобы предположить такое.

Прибитый к плинтусу происходящим, я не слышу, как к дому подъезжает машина, как бахает калитка.

Слышу только, как мать уже влетает в дом.

— Арнак, сыночек, ты только ничего плохого не подумай... — визжит она. — Я ради тебя старалась! Ради твоих будущих детей!

И мне становится кристально ясно, кто тот вандал, который ободрал наш с Ритой дом.

— Мам, ты охренела? — Наверное, впервые в жизни я по-настоящему на нее ору.

А толку-то.

Я уже не смогу привести сюда Риту.

Глава 16. (He) разведенные

Арнак

Я смотрю в обеспокоенное лицо жены и сочиняю на ходу, потому что надо ж как-то выйти из положения:

— Ритуля, зайка моя, у меня неприятная новость. У нас дома термиты. Я не стал раньше говорить, чтобы не волновать тебя. Но там распылили отраву, и нужно какое-то время, чтобы все выветрилось.

— И что же? — Ее глаза расширяются. — Ты не забереешь меня из больницы?

— Конечно заберу. — Я глажу ее по руке. — Только не домой, а пока что в гостиницу.

— Но как же в гостиницу! — дует губы она. — Мне нужны мои вещи, одежда, халат, белье...

— Солнышко, я взял все необходимое, надеюсь ты не против? Если вдруг тебе понадобится что-то еще, мы купим. Так пойдет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.